

ПОГАТЫРИ

3
август
1955 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

Издается на правах рукописи.

Содержание:

Худ.А.В.Романовский: "ПОМОГИТЕ!"

Гавриил Кизило: "НАРОД в БОРЬБЕ"

Сергей Лесной: "УРОКИ ОКТЯБРЯ"

"ЗА ЗЕМЛЮ, ЗА ВОЛЮ, ЗА ЛУЧШУЮ ДОЛЮ!"
/Памяти А.А.Власова и его соратников/

Н.Дель: "КАРТИНА"

В.Лугачев: "ГОЛОС СЕРДЦА"
/стихотворение/

Николай Турбин: "ЗОДЧИЕ"

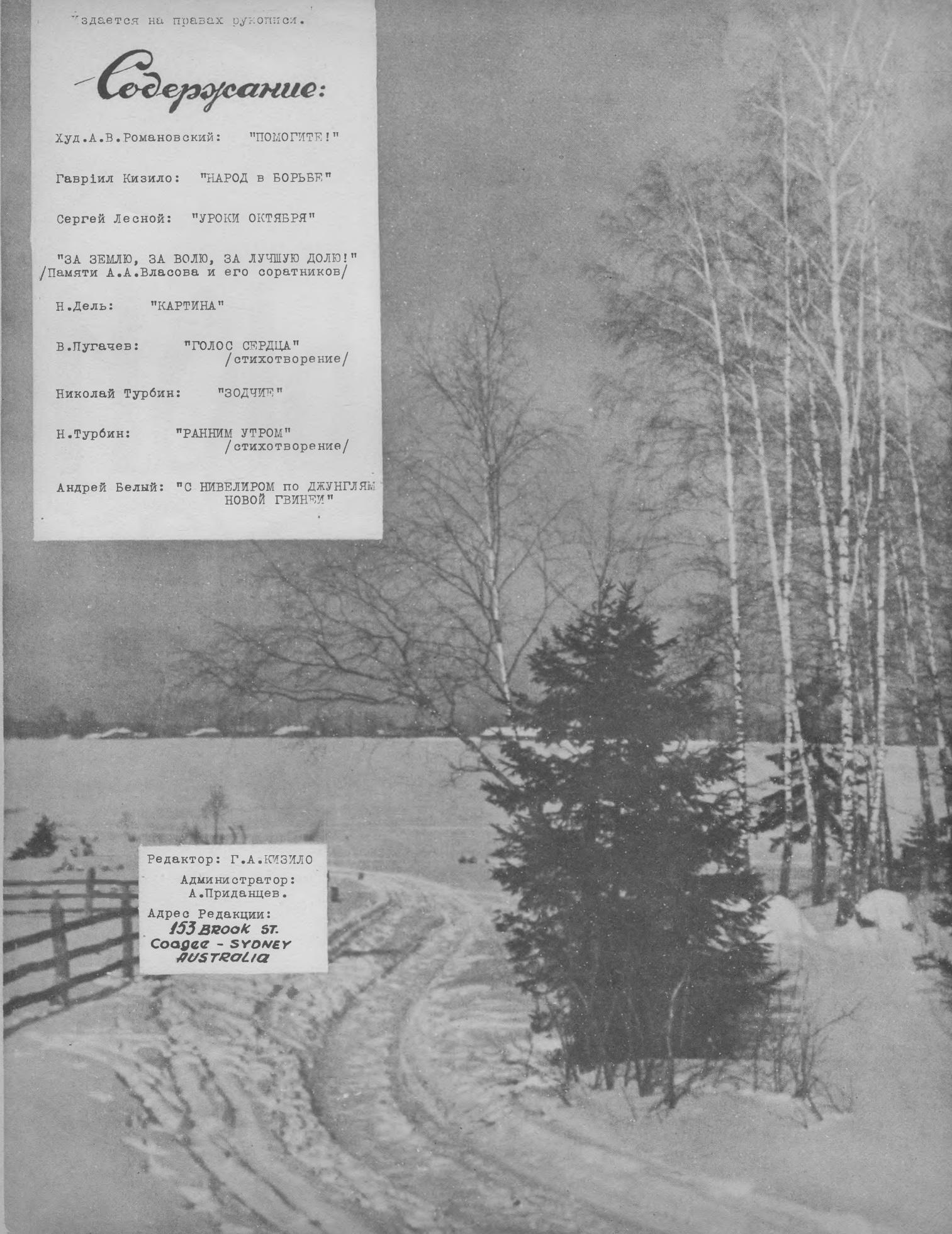
Н.Турбин: "РАННИМ УТРОМ"
/стихотворение/

Андрей Белый: "С НИВЕЛИРОМ по джунглям
НОВОЙ ГВИНЕИ"

Редактор: Г.А.КИЗИЛО

Администратор:
А.Приданцев.

Адрес Редакции:
153 Brook St.
Coogee - SYDNEY
AUSTRALIA

" СВОБОДА БЕЗ БОГА, КРОВАВАЯ ЧАША ДЬЯВОЛА".
" ЗАБУДУТ, НО ВСПОМНЯТ; УЙДУТ, НО ВЕРНУТСЯ.
КАМЕНЬ, КОТОРЫЙ ОТВЕРГЛИ ЗИЖДУЩИЕ, ТОТ САМЫЙ
СДЕЛАЕТСЯ ГЛАВОЙ УГЛА.
НЕ СПАСЕТСЯ РОССИЯ, ПОКА НЕ ИСПОЛНИТ МОЕГО
ЗАВЕЩАНИЯ: СВОБОДА с БОГОМ"

С.И.МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ.
/В Александровском равелине, перед казнь/

БОГАТЫРИ

Общественно - Политический и
литературно - художественный
журнал

ПОДМЕГИ!

НАРОД

В БОРЬБЕ

Гавриіл Кизило

Гитлер пророчествовал, что царствие его продлится 1000 лет. Истории, видимо, не понравилось такое пророчество и она отпустила ему столько времени, сколько нужно было для его бесславного конца.

Как История распорядится с другой враждебной силой - коммунизмом нам еще неизвестно, однако, думаем, что он бесконечным быть не может.

Коммунистические идеи сами по себе, как известно, не новы. Свое начало они берут с незапамятных времен. Наиболее древние теории, дождущие до наших времен, принадлежат Платону, Аристотелю, Зенону Сицийскому и др. История также знает существование в древние времена различных коммун.

Большую роль в этом сыграл Ветхий Завет, поощрявший отречение от земли Рая. Теория коммунизма последнего времени, построенная на "научном социализме" Карла Маркса есть в сущности продолжение той же идеи на материалистических основах, выраженная в атеистической непримиримости.

Борьба с настоящим и наследием прошлого, вне принципов и морали, изложена коммунистами в их основном документе - "Коммунистический Манифест", заключительные слова которого говорят: "Коммунисты считают презренным делом скрывать свои цели и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насилия и ниспровержения всего существующего общественного строя".

Объявив насилие и ниспровержение существующего строя, коммунисты прежде всего направили всю свою стратегию на разрушение существующих религий. Провозглашая Свободу все коммунистические революции отказывались, как правило, от христианского наследия братства. Отторгнув Истину, Свобода неизбежно превращалась в отвратительную диктатуру господствующей клики. Лучшим примером этого является Французская Революция, а для нас - история последнего времени и судьба нашей Родины.

Самая яростная и беспощадная борьба, как мы знаем, была объявлены коммунистами Русской Церкви. И это не случайно. Наше Православие с того дня, когда свет Христианской Истины озарился у берегов Днепра /"когда земля и небо ликовали"/ всегда было основой нашего бытия, национального творчества и нашей государственности.

Используя социальное неравенство и, развязывая худшие человеческие инстинкты, коммунисты ведут непримиримую борьбу, не только с общественным строем, который всегда слагался на основах религиозного верования; а, как доказала практика, и со свободой личности, не совместимой в коммунистическом обществе.

Будучи верным этим принципам, Владимир Ленин, воспользовавшись усталостью нашего народа в кровопролитной войне и несостоятельностью Императорского правительства, возглавил силы разрушения и отдал историческую Россию в руки Третьего /коммунистического/ Интернационала.

Теперь, когда коммунизм укрепился на одной трети мира, мы можем сказать, к чести нашего народа, что, продолжая свою борьбу за овладение миром, коммунистический интернационал получил активного противника своих идей в лице пароходенного им народа. Как бы это теоретически не казалось парадоксальным, но это факт, который плохо умеют скрывать сами коммунисты.

В настоящее время, когда человечество подошло к последнему этапу борьбы, когда перед свободным миром встал вопрос: быть или не быть, - мы с большей

уверенностью можем сказать, что спасение мира от угрозы коммунистического порабощения зависит от успеха борьбы русского народа с его порабощителями. Последние политические события являются доказательством этого положения.

Не сломив сопротивление народа коммунистическая партия СССР вынуждена идти на явные уступки, ища в дипломатических происках, как это было и раньше, поддержки вне пределов своего владычества.

Глубоко ошибается тот, кто думает, что всякий дипломатический успех Советского Союза есть только успех внешней политики коммунистов.

Кроме успехов внешних, в плоскости нормальной дипломатии, каждый свой успех, явный и мнимый, коммунистические руководители используют, прежде всего, для укрепления своей власти, внедряя своей пропагандой машинной состояния безнадежности борьбы у пароходенного народа.

Кронштадтское восстание, как первый факт в истории подтверждающий это положение, не завершилось Третьей Антикоммунистической Революцией в России потому еще /кроме многих других причин/, что коммунистическая пропаганда использовала в те дни факт признания Советской России одной из великих западных стран. Так было в первые годы коммунизма в России, тоже повторяется и поныне. Поводами лидера оппозиции Великобритании Атти и Примьер-Министра Индии Неру, нужно рассматривать именно с этой точки зрения. Будучи по существу антикоммунистами эти почтенные господа дали себя использовать коммунистам для пропагандных целей на внутреннем фронте.

Тяжелая доля выпала нашей Родине. Ее исторический путь прошел через бездну беспредельных испытаний и на долю нашего поколения История предоставила благодарную миссию борьбы со злом во имя новой, обновленной России. Страшный пароходенный народ жаждущий свободы, испытавший до предела пути и блага "земного Рая".

В политическую жизнь страны революцией были втянуты народные массы, поэтому свержение коммунистического режима в России нельзя рассматривать иначе, как акт антикоммунистической революции. При каких бы обстоятельствах это свержение ни произошло, революционное участие в нем народа будет неизбежным, и потому еще, что в результате свержения коммунистического режима неизбежны такие изменения в жизни страны, какие могут принести только народные революции. О контрреволюции или реставрации прошлого не может быть и речи.

Вряд ли кто-нибудь из вдумчивых людей сомневается в том, что политические и социально-экономические условия, созданные за эти годы коммунистами в нашей стране, не противоречат с психологией народа. Именно наличие этих противоречий позволяет утверждать на неизбежность антикоммунистического переворота. Будет ли этот переворот результатом внешних столкновений или процессом роста внутренних оппозиционных сил - остается пока вопросом открытым.

Для нас антикоммунистов - россиян, свержение коммунистической диктатуры внутренними силами является наиболее желательным. Однако для реальной политики в достижении этой цели вопрос должен быть поставлен не только с отвлеченной точки зрения - жажды свободы, но и реальной возможности.

Наш заграничный опыт подсказывает нам, а международная обстановка как бы доказывает, что для ускорения свержения коммунистической власти из внешнего мира, реальными оказываются два фактора сочи-

тающиеся между собой. Прежде всего - фактор антикоммунистической оппозиционной эмиграции и - фактор демократического Запада, организующегося и вставшего на путь открытой подготовки для вооруженной борьбы.

Какими планами руководствуется демократический Запад не будущее, мы гадать не будем. Нам коммунистической оппозиции История предоставила идеальные возможности в условиях свободного мира проводить свою российскую политику, используя растущее сопротивление Запада к коммунизму.

Создавшиеся и обострившиеся противоречия между народом и коммунистической властью не имеют примера в истории. Массовое поражение в первые месяцы прошлой войны является убедительным доказательством этому. После войны обстановка, надо думать, обострилась еще больше. Разочарование народа в мечтах о внутренней эволюции коммунизма после войны, еще большая нищета вследствие подготовки к новой войне, знакомство наших воинов с Западом и полная беспросветность на будущее, - приводит народ к сознанию, что до тех пор, пока будет существовать коммунистический режим: ни войнам, ни конца не будет. Поэтому антикоммунистический переворот в особой и длительной, как это имело место в дореволюционное время, пропаганда не нуждается.

этого, однако, не достаточно, чтобы произошел желаемый переворот. Отсутствует один из главных элементов революции - распад власти, как это имело место в дореволюционной России, что и мешает народу на пути для организованного выступления.

Российские антикоммунистические организации на Западе в этом вопросе могут сыграть огромную роль и ускорить революционный процесс. Организация революционных сил внутри СССР необходима. И мы - политические эмигранты - не должны отмахиваться от этой проблемы, как бы ни трудно ее было разрешить.

Если раньше для осуществления коммунистической революции революционерами-атеистами черпалось все самое худшее из их революционного арсенала, то теперь для достижения Народной Революции и для борьбы с переборотелями наш народ вооружен лучшими идеями человечества.

Мировая Война принесла народам России разочарование и недоверие к Западу, от которого исстрадавшийся народ ожидал христианской помощи. Мы, поэтому, должны работать не над проблемой "спасения России" чужими руками, а одновременно, разоблачая "идеалы коммунизма" в свободном мире, работать над поднятием национального достоинства нашего народа, воевавшего в него надежду, что великий народ, с вековой государственностью может и должен сам решить свою судьбу.

Наша задача заключается в том, чтобы возросший российский патриотизм на нашей родине, который коммунисты стараются использовать для своих планетарных целей, выдавая его за "советский" патриотизм, был направлен на благополучие нашей родины.

Мы должны помочь укрепить у наших народов национальное и революционное "Мы", утверждающее в своей основе новый взгляд на вещи. Эта задача сейчас лежит на совести нашей интеллигенции, которая должна перестать болеть "мировой скорбью", а отдать все свои мысли и умение своему народу и своему государству.

Даже если война / которую мы не проповедуем / произойдет раньше народной революции и коммунизм будет свергнут силой оружия, и тогда не должно иметь места подлающее на борьбе "благодарное население", ибо с таким "населением" Россия не создаст здоровой / мы имеем ввиду демократической / государственности. Возможных победителей народ должен рассматривать как своих равных союзников и не давать никакого повода к возможным империалистическим вожделениям.

Когда мы говорим об укреплении нашего национального, а на данном этапе и революционного "Мы", то мы очень далеки от мысли возрождения "квасного патриотизма" или убогих по духу "Союзов Русского Народа" нанесших России больше вреда, чем все революционные социалистические организации дореволюционной России.

Наше "Мы" должно строиться только на полноценных знаниях прошлого и настоящего и впитывать в себя

лучшее в предвидении будущей многонациональной свободной России, стоящей на рубеже двух миров - Запада и Востока. У нас есть все основания преенебречь скепсисом самоуверенного Запада и сказать: - Будущее ми-ра зависит от будущего России!

Однако, какие пути лежат перед нами для достижения наших целей и какие слои населения нашей родины могут из потенциальных врагов коммунизма стать активными борцами и строителями свободной России?

Всякая власть - не миф и не загадочный оффис с усами /ныне покойный или сменивший его с подстриженной бородкой/. Власть в СССР - это диктатура коммунистической партии, значительного меньшинства над значительным большинством. Поэтому, всякий коммунист в СССР должен рассматриваться как активный или потенциальный враг российского народа. Всякие разговоры о том, что коммунисты бывают разные - "хорошие" и "плохие" должны быть оставлены для составителей сказочек в будущем, которыми добродетельные бабушки будут пугать своих внуков на манер сказочки о чертях - добрых и злых.

В компартию в СССР /и заграницей тоже/ никого насилием не записывают - в нее "лезут" /тоже как черти/ /карьеристы, аморальные типы и нередко "бывшие", чтобы скрыть свое социальное происхождение. И совсем редко "вступают" люди по искреннему убеждению. Для того, чтобы пролезть в партию человек должен превратиться в беспартийного большевика и совсем не на словах, а на деле доказать свою преданность партии Ленина, Сталина... Это является основным правилом для приема в партию всех категорий. Такая возможность партии была предоставлена для всех желающих в любое время, а особенно в период военного коммунизма, колективизации, очередных чисток страны от "врагов народа" и в др. знаменательные периоды, богатой событиями советской истории. Это те периоды, когда появлялись Дыбенки, Голоцекины, Павлики Морозовы и иуды - предатели, доносившие на своих близких.

Модные в эмиграции /и только в эмиграции/ "слухи" о том, что в партию записывают "насильно" и чуть ли не ставят для этого "к стенке", относятся больше к области фантазии чем к действительности.

Если бы вся партия /или большинство/ получала свои партийные билеты отходя "от стены", то, наверное, борьба народа с коммунизмом была бы совсем простой. Что противоречит, как мы видим, действительности.

Поэтому, во всякой работе, направленной на свержение существующего строя в СССР, нужно /что бы не работать в холостую/ опираться на угнетенный народ, на жертвы коммунистической партии. На категориков коммунизма, на колхозников, на эксплуатируемый рабочий класс и на ту российскую интеллигенцию, которой не предлагали вступить в партию.

Делая обобщение, мы должны при этом помнить, что к категории угнетателей и врагов русского народа не могут быть причислены коммунисты, покинувшие партию и те, кто добровольно "избрал свободу" ушли на Запад и включились в борьбу с поработителями нашего народа. Российский народ не ищет и в освободительной борьбе для мест не место.

Междуд порабощенным народом и компартией должен быть вырыт непроходимый ров и чем глубже он будет - тем лучше. Мы должны знать кто наши враги, а не искать компромисса на основании смягчающей вину болтовни. Борьба есть борьба. За содеянные злодействия коммунисты должны нести ответственность и формула от лукавой добродетели: "мы все в этом повинны", - должна быть отброшена раз и навсегда.

Путь же нашего российского возрождения к достижению стоящих перед нами проблем, лежит, по нашему глубокому убеждению, в возрождении религиозных верований наших народов. Для трех ветвей русского народа, составлявших основу нации и церкви, Православие должно явиться основой его духовного возрождения.

За все историческое существование наше Православие испытывало много тяжелых ударов, но самым кощунственным ударом был коммунистический произвол. И, несмотря на это, мы являемся сегодня свидетелями возрождения того, что казалось еще не так давно, утерянным

навеки.

За время борьбы коммунистов с церковью смеялись два поколения воинствующих безбожников и плоды их дьявольских трудов оказались бесплодными. Во втором и третьем поколении терроризуемого ими народа затеплились огоньки утерянной в большевистскую Революцию Истины.

Возрождение верований у русского народа берет свое начало, очевидно, из глубокой древности. История оставила нам много примеров, когда религиозная оплошность спасала нашу государственность.

Так называемые норманисты, плотно сидящие еще в нашей исторической науке, представляли наше прошлое языческим, не сообразуясь совершенно с тем, что древняя Русь никогда не была идолопоклонческой. Ее древний символ веры очень близко стоял по смыслу к христианскому. Только этим можно объяснить сравнительно быстрое и спокойное, без кровопролитных религиозных войн, принятие нашими предками христианства, которое и легло в основу нашей государственности.

Нам, антикоммунистам, отвергающим атеистические догмы, представляется возможным опереться на вековую идеологию нашего народа.

Если раньше, благодаря вмешательству Правительства в дела Церкви, верований народа сводились к обрядности и праздникам, то теперь, надо думать, воскресает истинная вера через путь страданий и испытания.

Об "явленное" "послабление" или разрешение религиозных культов в СССР, не есть просто политический маневр власти; как это думают еще многие, а есть без сомнения, результат борьбы народа с властью и его победа в многолетней борьбе.

Церковь наша сейчас выходит из глубочайшего кризиса, нанесенного ей богоуборческими силами коммунизма. Всякого рода церковные "расколы", "отпадения" и др. признаки кризиса - явления временные. Мы переживаем тот период, когда церковь возрождается на нашей Родине не сверху, по воле правителей или высоких церковных иерархов, а - снизу.

Мы склонны думать, что как бы не пыталась компартия в СССР изменить свою политику в будущем, - возрожденная церковь неизбежно будет идти своим путем, выростая в могучую национальную силу. И в будущем

дущей России безбожникам делать будет нечего.

Попытка коммунистов использовать возрождающуюся церковь на нашей Родине, как оружие для укрепления собственной власти, должна закончиться неизбежным провалом, т.к. сила церкви не в ее администрации, пошедшейвольно или невольно на сделку с богоуборческой диктатурой, а в народе, сохранившем в себе веру в Бога.

До тех пор, пока на Родине наша церковь будет в зависимости от коммунистической власти, мы не можем признать ее администрацию, ибо такое признание было бы равносильно предательству.

Разделяя народ и власть в политическом аспекте, мы должны так же уметь различать пастырей стратотерпцев и народ мученик от советской церковной администрации. Если первым мы отдаем все свои помыслы и надежды, то вторых отвергаем до их духовного и административного освобождения.

Мы возлагаем свои надежды на возрождающуюся религиозные верования не потому, что хотим видеть в будущей России поголовно религиозный народ и будущее правительство в подрясниках, - а потому, что возврат утерянной истины есть залог здорошего государства.

Церковь и современное государство должны быть независимыми, но любовь народа к своей церкви и государства ко всем религиям должны быть единны.

Поэтому, потерянную Истину российский народ должен будет искать при построении нового общества в возрожденной России у таких защитников Царства Божия, какими были митрополит Гермоген, Св.мученик митрополит Филипп и Патриарх Тихон. У творчески одаренной русской православной интеллигентии, последователей Хомякова, Достоевского, Владимира Соловьева и др.

"СВОБОДА с БОГОМ" - должны стать катехизисом нашего освобождения и создания Новой России.

Других путей нет...

Гавриил Кизило.

УРОКИ СЕНТЯБРЯ...

Сергей Лесной.

/Продолжение. См. "БОГАТЫРИ" №2/

Мы не знаем какое направление приняли бы события в России, если бы Ленин жил дольше, но со смертью его появился новый крупный фактор: борьба за личную и притом деопотицкую власть среди самой власти. Одолела группа наиболее бесприинципная, жестокая и преступная.

Все принципы демократии в партии были отброшены, начался внутрипартийный деспотизм. Приблизительно через 10 лет все вернулось к старому, деспотизм господствовал и над партией, и над народом.

Снова возродился старый антагонизм: народ против власти и власть против народа. Третий элемент - интеллигенция, - был раздавлен. Опять всплыли старые формулы: "чем хуже, тем лучше". Надежда народа была на то, что большевики разобьют таки свой корабль об какую-то скользкую. Слова поэта: "С властью дух народа в вечном отрицании" оправдались снова.

Первые ростки истинной демократии были безжалостно раздавлены, деспотизм возродился не только о новой силой, но преобразил формы доселе неслыханные, более того: невероятные и невообразимые. За всё ис-

торию человечества мы не знаем режима столь безжалостного и жестокого.

Бороться за демократию народ не мог прежде всего потому, что он в сущности чуть-ли не со времен Фурика настоящей демократии не видел и не усвоил. Мало того, что бы восхвалять и прокламировать демократические начала, - надо вырасти, воспитаться и быть демократом. Ведь дело не в слове, - что такое "народная демократия" понятно теперь, кажется, всякому. Истинная демократия - это прежде всего уважение к личности других; чем выше демократия, тем больше считается не только с большинством, но также и с меньшинством.

В том, что демократических начал не было в России, виноват безусловно дом Романовых и партии, их поддерживавшие. Еще со времени Елизаветы, разорвавшей собственоручно весьма умеренную хартию, составленную дворянами, идет зажим творческого народного духа, - народу даже не позволяли говорить открыто чего он хочет.

Поэтому партиям, которые приложили руку к

осуществлении знаменитого лозунга городового: "тащить и не пуштать", рекомендуется хранить гробовое молчание. Это их вина, что они в свое время не站ли на сторону народа, а против его.

Видя полный развал власти, Николая 2-го про-сили все дать одно - ответственное министерство. Просили левые, просили кадеты, просили правые, про-сили делегацию членов дома Романовых во главе с В.Кн. Николаем Михайловичем, просил двоюродный брат, Английский Король через своего посла Бьюкенена, но все было напрасно.

И вот тут правые站ли не на сторону народа, а на сторону единовластного монарха. В результате народных симпатиями завладели те, от которых站ло "жарко" не только Николаю 2-му, нашедшему свою мученическую смерть в Екатеринбурге, но и всем партиям: произошел взрыв перенагретого пара со всеми трагиче-скими последствиями. Банкротами оказались все партии.

Все выше изложенное ясно вся кому, кто перешел революцию. Не у многих находится столько гражданского мужества, сколько было у покойного проф.П.Б.Струве, громко об этом говорившего. Большинство предпочитало шлифовать и причесывать прошлое в ожидании того, что волшебница судьба преподнесет им ро-дину на золотом блюде.

Еще до сих пор находятся люди, считающие, что русский народ существует для них, а не они для русского народа. За 35 лет они кроме грязни между собой не дали ровно ничего, ни одного культурного начинания, если считать отдельных лиц трудившихся не благо и прославление России в одиночку. И даже теперь, видя, что находятся люди, которые что-то де-лают, они пытаются в их начинания "пихать пальки в колеса". Все они, конечно, читали Чехова /а уж кто-то, а он знал Россию/, но не вычитали у него главного, его мечты, мечты о России "без исправников и без марксистов".

Таков наш взгляд на прошлое, но имеется и наше настоящее и будущее.

И в настоящем мы имеем народ и власть, но не народа, а против народа. Слове, правде, одни и теже, но содержание уже совершенно иное. Сейчас на-род изменился и по внутреннему своему содержанию он должен быть назван народ-интеллигенция, т.е. созна-тельный народ, подавляющее большинство народа подня-лось почти до уровня интеллигенции.

Этот народ отлично понимает какую власть он имеет у себя на шее, но ничего не может сделать, что бы стать на путь демократии, ибо система захвата во сто раз хуже чем при монархии /это не значит, что последняя была хороша/.

В настоящее время все лозунги революции в России изжиты, никакими елейными проектами и обеща-ниями народ не облазниши и никакими с ног спиба-льными постановлениями марксизма народ не удивишь. Следовательно и существующая коммунистическая вла-сть в России ничего не может предложить народу.

Провал "райя" очевиден даже подрастающей мол-дежи, ясен он и подавляющему большинству членов партии /КПСС/, не говоря уже о тех, которые видели времена, похожие на демократию.

Рано или поздно, но даже в условиях коммуни-стического гнета, в сопротивление власти выявится в должном масштабе. В пассивной форме это выражается в том, что в стране настоящей, хотя и далеко не иде-альной демократии, молодежь из России бежит, нисколько не скрывая своего полного разочарования коммунистическим "райем", и только тупость Запада не поз-воляет сделаться этому движению массовым и стихий-ным.

Сопротивление власти в России выражается и в открытой форме, к сожалению официальная информа-ция об этом засекречена и опубликованию не подлежит.

Вся ставка народов России сейчас не терпени-т.е. на классической формуле: "дождить, пережить и вы-жить". Ставка народа была на помощь из вне. Что это не пустые слова, говорит поучительный пример 1941 г., когда фронт СССР развалился, как карточный домик.

Но течение истории принесло неожиданное направление, ибо никто не мог в России предвидеть, что Германия вместо ожидаемой помощи поднесет народам России ми-ниака Гитлера, который поставит знак равенства между коммунизмом и народом и начнет уничтожать поголовно всех.

В этих условиях, естественно, заговорило чу-вство самосохранения: предпочли гнет смерти, ибо в душе всех людей никогда нельзя истребить надежду на хороший исход.

Народы СССР глубоко затаили недоверие к странам Запада, ибо как американские солдаты вытаскивали из церквей силой беженцев из России, не желавших ве-рнуться, - известно всем и world. Этого доверия од-ной антикоммунистической пропагандой и "Голосом Аме-рики" не восстановишь. То, что было сделано странами Запада в 1939-1945 гг. ограничит с потерей логики, а согласитесь, разумно ли поступит народ, доверив свою судьбу политикам, действия которых противоречат про-стой логике.

Ни один гражданин СССР не может поверить, что, бы с 1918 и до 1945 гг. страны Запада не знали, что собой представляет в действительности режим СССР. Все данные говорят за то, что Запад знал, а если знал, то почему не помог народу СССР? Значит справедливость к народам России, интерес к ним абсолютно отсутствова-ли. Для защиты животных от хестокого обращения сущ-ствовали /и теперь существуют/ "Общество покровитель-ства животных", а вот для защиты элементарных челове-ческих прав граждан России не оказалось никого, - это, мол внутреннее дело суверенного государства. Все это народ в России отлично понимает, поведение Запада действительно показывает, что он совершенно "сгнил", и не способен на ведение разумной политики. Конечно, с 1945 г. Запад кое-чему научился, но ничего лучше, как придумать войну против СССР атомными бо-бомбами он не может. Совершенно очевидно, что атомная бомба получит такой же отпор, как и свастика. И так же совершенно ясно, что идеали демократии нельзя на-саживать атомными бомбами. Иного Запад не предлага-ет народам СССР - удивительно заманчивые перспективы!

И так, мы видим, что Запад совершенно не пони-мает русский народ. Спасение самого Запада заключа-ется в том, что он должен в своих мероприятиях про-тив коммунизма сначала подумать об интересах России, а оттуда уже произоштут и выгоды для Запада, а не на-оборот. Поэтому народы России и выживают пока Запад не начнет мыслить по-новому. Ждать, видимо, приде-тся долго. Если даже некоторые историки не понимают почему была Россия, а стал СССР, то что уж и говорит об иностранцах.

Резюмируя все, мы должны подчеркнуть, что все начиная с войны 1914-1918 гг., революции 1917-1920 гг. народного зажима с 1920-1955 гг. и т.д., - все это ко-ренится в отсутствии и в 19 и в 20 столетии демокра-тии в России. Демократия отсутствовала даже в среде историков, ибо только в ее отсутствии могли вынынчить-ся теории вроде норманистской. Отсутствие демокра-тических начал в государственном строе России сказа-лось, как нельзя ярче, на эмиграции. Казалось, что покинувши немало среди чужих, но демократически управ-ляемых народов, должно было научиться, как надо жить по-людски, т.е. прежде всего уважать других. Но это-го не было, южноевропейская грязь не только в политике, но даже в церкви, была характерной чертой эмиграции. Мелкие групповые или личные амбиции ставились воглав-ву угла и доходили до смертоубийства в делах из-за выеденного яйца.

Не пора ли оглянуться на уроки истории и пре-хдце всего добиваться самообуздания, демократии, демо-кратии и демократии. Только в ней секрет спасения российского народа и мира повсюду. Неужели мы окон-чательно до того, что стели глухи даже к голосу разума. Неужели нельзя посмотреть на трагедию России немнож-ко шире узкого отверстия партийного ока и, вместо соор-дружно стремиться к достижению векового идеала: свободной, демократической России.

Сергей Лесной.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ: В с. номере редакция опубликует комментарии к статье Сергея Лесного

За землю, за волю, за лучшую долю!

+ мысли вслух +

А.А.Власов: "Некоторые говорят, что Розенберг злой гений Гитлера. Какая наивность! Без Розенберга нет Гитлера, как нет нацизма без унтермешей..."

Ф.И.Трухин: "...Хватит ли оружия? Я, признаюсь, боялся за свой прогноз, а оказался прав: с успешным наступлением советов, приток добровольцев не только не убыл, а, наоборот, увеличился.

И я, как в свое время один из Генрихов кричал: коня мне, коня, пол царства за коня! — во все горло тоже ору. Оружия мне, оружия, пол-Германии за оружие!"

В.Ф.Малышкин: —Мы взаимно не любим друг друга,— повторял всегда В.Ф.Малышкин. А в Веймаре, на конференции, в присутствии представителей власти и дипломатического корпуса нейтральных государств, он решительно предупредил: —СТАЛИНСКИЙ КАРФАГЕН МОЖЕТ БЫТЬ РАЗРУШЕН ТОЛЬКО В СОЮЗЕ С РАВНОПРАВНЫМ РУССКИМ НАРОДОМ. ИЛИ... ИЛИ ЭТОТ КАРФАГЕН БУДЕТ УВЕНЧАН ЛАВРАМИ ПОВЕДЫ».

М.А.Меандров: "...На русской земле прольются еще потоки крови. Эту кровь советское правительство постарается скрыть, но не недолго. Она просочится наружу и темными пятнами покроет демократические лозунги свободолюбивых стран. Мы же сумеем умереть достойно".

Последние слова из последнего письма М.А.Меандрова.

Он умер достойно.

Минуты отчаяния, в минуты духовной усталости — помни о народах нашей Родины, помни, что их муки неизмеримо сильнее твоих личных страданий.

Л.Н.

ДЕВЯТЬ ЛЕТ НАЗАД, 2-ГО АВГУСТА 1946 Г. В МОСКВЕ, БЫЛИ КАЗНЕНЫ ГЕН.-ЛЕЙТ. А.А.ВЛАСОВ И ОДИННАДЦАТЬ РУКОВОДИТЕЛЕЙ "ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ".

СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, СТРОГО СКРЫВАВШЕЕ ОТ НАРОДА СУЩЕСТВОВАНИЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ, ДАЖЕ ПРИ КРОВАВОЙ РАСПРАВЕ НАД ЕГО ВОЖДЯМИ, НЕ РИСКНУЛО СООБЩИТЬ ПОДЛИННУЮ ПРИЧИНУ КАЗНИ.

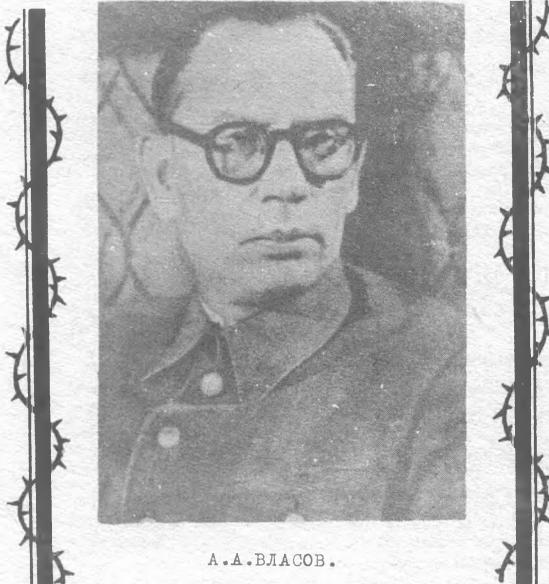
НО ПРАВДА ДОШЛА ДО НАРОДА. НАРОД ЗНАЕТ, ЧТО ПОД ЗНАМЕНАМИ РУССКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ АРМИИ СТОЯЛИ ВЕРНЫЕ СЫНЫ СВОЕЙ РОДИНЫ.

НАРОД ЗНАЕТ, ЧТО НЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ИЗМЕНА, А БЕЗГРАНИЧНАЯ ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ; И НЕПРИМИРIMАЯ НЕНАВИСТЬ К СОВЕТСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ, ПОРАБОТИВШЕМУ И ОБРЕКШЕМУ ИХ НА ГОЛОД, СТРАДАНИЯ И БЕСПРАВИЕ, — ЯВИЛИСЬ ПРИЧИНОЙ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ.

И ТОЛЬКО ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К НАРОДАМ РОССИИ, ПОМЕШАЛО ОСУЩЕСТВИТЬ СВЕРЖЕНИЕ ДИКТАТУРЫ КОММУНИСТОВ.

НО, НЕСМОТРЯ НА ТРАГИЧЕСКИЙ ИСХОД БОРЬБЫ, ВЛАСОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ, КАК НАИБОЛЕЕ СИЛЫЙ ЭТАП НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ, НАВСЕГДА ВОШЛО В ИСТОРИЮ.

ПАМЯТЬ О ВЛАСОВЕ И ЕГО ДВИЖЕНИИ БУДЕТ СВЯТО ХРАНИТЬСЯ В НАРОДЕ КАК ОДНА ИЗ ЖЕРТВЕННЫХ СТРАНИЦ РУССКОГО ГЕРОИЗМА.

А.А.ВЛАСОВ.

Мы выдержим!

Мы много выдержим, мы все переживем...
Не в первый раз в туман уходят цели.
Рожденные невзгодой и огнем —
Мы те немногие, что снова уцелели!
Сомнем ряды попрежнему тесней.
Мы, русские, я это имя свято:
На свете нет надежней и верней
И тверже нет российского солдата!

В чужой земле покой не обретем, —
Нас ждет свой дом, свои волны — цели!
Мы много вынесли, но русскими умрём,
Как жили русскими от самой колыбели!

Н.К.

В своих сердцах мы ладонкой несем
Кусочек родины: кто — степи Украины,
Кто — сузdalскую тиши, кто глушь за Иртышом,
Кто — севера нетающие льдины!
Откуда бы ни были — мы не пропустим час
Прийти на зов и развернуть знамена.
Недаром Бог нас в эти годы спас,
Давно оплаканных, заживо-погребенных...

Н. Деса

КАРТИНА

Н

ина Львовна остановилась перед небольшой картиной и, указывая на нее мужу, сказала:

— Из всех картин на выставке, мне больше всего нравится вот эта. Называется "Предчувствие". Как ты ее находишь?

Андрей Алексеевич ответил не сразу.

— Сказать правду, так я совсем не понимаю: что тут вообще может нравиться? Темное пятно и больше ничего. И почему она должна изображать "Предчувствие"? По моему "Темнота" — самое подходящее для нее название...

— Ах, какой ты право, — нетерпеливо перебила его жена, — эту картину нужно сначала понять, и потом уже критиковать. Всмотрись хорошенько... Видишь вон там неясные очертания избушек, за ними стена леса, вот часть изгороди, а здесь силует волшебной сказки... чуть видны огоньки в окнах... И все окутано зловещей темнотой. Художник прекрасно выразил свою мысль — темное, неясное предчувствие чего-то недоброго...

— А я вот как раз не люблю всего этого туманного и неясного, — к чему нужно присматриваться и угадывать, — спокойно сказал Андрей Алексеевич, — простота и ясность — это все, что я больше всего ценю в жизни и в искусстве.

Не дожидаясь ответа, он медленно пошел по направлению к выходу, рассеянно разглядывая висевшие по стенам картины. Перед одной из них он остановился. Она, повидимому, настолько его заинтересовала, что он не спускал с нее глаза до тех пор пока не подошла, задержавшись у "Предчувствия", Нина Львовна.

— "И не оставил тебя до самой смерти", — громко прочла она по русски польское название картины.

— Вижу, что эта тебе понравилась. Действительно, очень милые старички...

Это была большая картина, изображавшая больного старика в постели; у его изголовья на ночной столике — пузырек с лекарством, вазочка с цветами и Распятие; подле в глубоком кресле седая старушка: руки с вязаньем опустились на колени, глаза устремлены на больного.

— Мало того, что они милые старички, — продолжая смотреть на картину, сказал Андрей Алексеевич, — обрати только внимание на выражение их лиц. Вот, хотя бы старушка... Сколько тревоги, нежности и заботы в ее взгляде, устремленном на больного мужа, какая доброта во всех ее морщинках и скорбь в уголках рта. Прожила с ним всю жизнь, разделяя все горести и радости, была верной и любящей подругой... И, теперь, когда он может быть уже не встанет, она не отходит от него, приносит ему цветы из садика, молится вместе с ним... Это сразу видно по выражению лица старика — с какой любовью, благодарностью и доверием, он на нее смотрит. Я так хорошо представляю себе всю их жизнь — тихую, безоблачную счастливую.

— Однообразную, неинтересную, — шутливо подражая его тону, докончила Нина Львовна. — Я тоже хорошо себе ее представляю, что-то в-ля "старосветские помощники", когда "ни одно желание не перелетает за частокол"... Неужели такая жизнь не кажется тебе скучной?

— Вовсе не кажется. Там, где есть обоядная любовь, доверие и взаимопонимание, когда двое людей идут рука об руку одной дорогой, — не может быть и речи о скуче. Поэты и художники от сотворения мира все мудрят над проблемой любви и толкуют ее каждый на свой лад. А она вот в этих двух старичках, олицетворяющих собой преданность, самопожертвование, самоизвращение — все, чем отличается истинная любовь от этой теперешней... даже не знаю, как назвать...

Нина Львовна размечалась.

— А я знаю — увлечение. Это Питигрилли сказал, что в двадцатом веке не любят, но увлекаются.

— Пожалуй, что он прав. Только мало кто и увлекается по настоящему, так слякоть какая-то... С прохладцей и трусливо оглядываясь по сторонам... Разве это увлечение?

Нина Львовна взглянула на часы и решительно взяла мужа под руку.

— Мы стоим тут и разсуждаем, глядя на картину, а время летит. Будь спокоен, когда состаримся, будем также сидеть дома и смотреть друг на друга, как твои старички. А теперь пора домой. Ведь у нас сегодня литературный вечер.

было уже за полночь, но Андрей Алексеевич, все не мог уснуть. Сославшись на нездоровье, он оставил гостей вскоре после ужина. Заглянул в детскую, где уже давно спали — трехлетний Котик и годовалая Милочка, с минуту полюбовался их милыми сонными лицами, затем пошел в спальню, раздевся и лег в постель. На самом деле он был совершенно здоров — ему, просто, смертельно надоели эти литературные вечера, без которых жить не может Нина Львовна. Спать ему не хотелось. Он попробовал читать, но вскоре отложил книгу в сторону. Из гостиной до него доносились приглушенные голоса, иногда взрывы смеха.

— Вероятно уже закончили чтение и обсуждают прочитанное, — думал он, заскуливая папиросу. — Тоже знаменитости! И скота же Ниночке возится со всеми этими общепониманными писателями и поэтами. Никак не пойму, что она находит в их обществе? Ведь ни одного настоящего таланта — а все воображают себя чуть ли ни гениями. Стряпает рассказы, стихи, даже берется за романы. Ниночка в восторге: это ее сфера, ее жизнь, — а я умираю от скучи... На прошлом вечере совсем скандировался — чуть не уснул во время чтения поэмы Маевского. Хорошо, что Ниночка во время тог-

нула меня за рукав... Очень неудобно получилось... Но чем же я виноват, что не могу ни восторгаться, ни принимать участия в их разговорах? Не всем же родиться литераторами"...

Он повернулся к ночному столику, стряхнул пепел в пепельницу и вздохнул. — "Разные мы с ней люди и разные у нас интересы, — продолжал он свои мысли.

— Потому так и выходит. Ниночка хороша, умна, талантлива, любит литературу. Ей необходимо общество интересных людей, новые впечатления, творчество — все, во что она могла бы вложить избыток своей энергии. Она прекрасная мать, хорошая хозяйка, но ограничиться только лишь одной ролью, для нея не достаточно. Ей нужен большой простор..."

"Я знаю, она любит меня, но далеко не так, как я ее люблю. Вся моя жизнь в ней и детях, наш семейный уют — все мое счастье. И нет для меня ничего дороже этих вечеров вдвоем с ней, когда нет никого постороннего. Но я знаю, что она их не любит!"

Андрей Алексеевич, докурил папиросу, повернулся на бок и закрыл глаза. И все думалось ему о ней, о его Ниночке — милой, ласковой, так горячо любимой, но всегда, как будто, немного далекой. По ассоциации мыслей вспомнилась, виденная сегодня на выставке картина.

"Вот если бы Ниночка могла когда-нибудь полюбить меня той большой любовью, какая светится в кротких глазах той седой старушки. Как счастлив бы я тогда!" С неожиданной тоской подумал он. Сон все не приходил к нему. Он только что закурил снова, как дверь открылась и вошла Нина Львовна, оживленная раскрасневшаяся.

— Ты еще не спишь, Андрюша? — спросила она, приостановившись у порога. — Может быть ты в самом деле неадоров?

Андрей Алексеевич улыбнулся.

— Нет все в порядке, будь спокойна, просто не спалось... Как же прошел твой вечер?

— Ужасно жаль, что ты ушел. Маевский на этот раз не читал поэму. Мог бы остаться. Зато Никифоров читал свой последний рассказ "Роланд Северный" — так называли офицера, послужившего фельдкнету моделью для "Медного всадника". Прекрасно написан. Скоро будет напечатан в газете. Затем Берг и Фомич декламировали свои стихи — очень не дурно. А самые удачные — Берг посыпал мне. "На улице глядеться и узнать..." Дальше забыла. Завтра я тебе прочитаю... ты мне напомни...

Не прерывая щебетанья, она разделилась и легла в постель.

— А теперь спать. Я очень устала.

Андрей Алексеевич нашел под одеялом ее руку и нежно взял в свою.

— Ниночка, родная моя, я хочу о чем-то спросить тебя?

— О чем?

— Представь себе, у меня все не выходит из головы та картина на выставке...

— "Старички"? Стоит ли с ней думать...

— А вот видишь, я думал. Ты знаешь, что в искусстве я не особенно тонко разбираюсь и не очень им интересуюсь, но эта картина поразила меня тем, что все в ней отвечает моим самым скованным мечтам и идеалам. Даже само название: "И не оставил тебя до самой смерти" — какие это простые, глубокие, святые слова. В них все сказано и до боязни ничего не нужно.

— Я никогда не предполагала, что ты так впечатлителен... и чувствителен тоже... Так о чем ты все-таки хочешь меня спросить? Мне спать хочется...

Голос Андрея Алексеевича слегка дрогнул, когда он продолжал:

— Есть вещи, к которым я не могу не быть чувствительным... Если бы, скажем, я серьезно заболел и вынужден был недолго слечь в постель — жалела ли бы ты меня? Отказалась ли бы ты от общества, литературных вечеров и других развлечений и посвятила ли

бы ты все свои досуги уходу за больным? А если бы я умирал...

Нина Львовна быстро зажала ему рот ладонью, не дав договорить.

— Довольно, больше не хочу ничего слушать! Бог знает, что за глупости приходят тебе в голову... И все эти старички противные! Терпеть их не могу! — И отнимая руку, добавила строгим голосом:

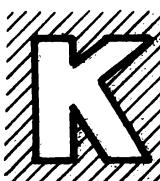
— И никогда не смей говорить мне об этом. Слышишь! Никогда.

— Но ты так и не ответила мне...

— И не отвечу. Забудь ради Бога о картине и будем спать. Спокойной ночи...

Она поцеловала его в щеку и, улыбнувшись, заснула головой в подушку. Не прошло минуты, как она уже спала.

Андрей Алексеевич потушил лампу. Долго еще краснела в темноте красная точка его папиросы.

онечно. Теперь можно отдохнуть..."
Нина Львовна подписала свою фамилию и закрыла тетрадь. Затем она тяжело опустилась на узкую железную кровать, прилонила спину к стенке и с удовольствием прятнула усталые ноги.

"Наконец-то"!.. Прошло одно ночное дежурство, впереди осталось еще три безсонных ночи. Если бы только можно было хоть немного поспать днем! Но бесполезное хождение по коридору, разговоры, крики и плач детей за стеной и под окном, — делают отдыши совершенно немыслимым. Хотя бы только полежать и чуть-чуть подремать...

Вот сейчас она вернется домой в небольшую комнату, все пространство которой занято двумя железными кроватями, меленьким самодельным столиком, двумя стульями и нагроможденными один на другой ящиками и чемоданами. Так живет она с детьми уже два года после окончания войны и, по сравнению с немецким лагерем, эта обстановка кажется вехом комфорта. Там спали на голых нарах, подложив под голову что попало, ходили под конвоем на работу, оставшиеся величины не кусочек сала или хлеба. Зато теперь они одеты и всегда сыты. Она работает острой миссисердия в лагерном госпитале, Котик ходит в школу, Милочка в детский сад.

Нина Львовна тяжело вздохнула.

— Бедные дети! Тяжелое детство выпало на их долю... Слава Богу, что хоть подросли и можно оставлять одних. Сами встают и одеваются. Котик приносит завтрак из кухни и присматривает за Милочкой! Бедняжки! И уже так скоро сиротки...

Андрей безнадежен. Боже мой, Боже мой! Кто бы мог предполагать, что так скоро сломится его железный организм! Он, еще так недавно, переплявавший реки и бравший призы на оскоках, прекрасный лыжник и конкобежец, он бывший олицетворением молодости и силы, — этот самый Андрей уже долгие месяцы лежит, прикованный к постели и никогда с нее не подымается. Никогда... Какое это страшное и жестокое слово!...

Нина Львовна провела рукой по лбу и закрыла глаза. Вспомнилась счастливая, беззаботная жизнь в крупном польском имении, в котором Андрей был администратором. Большой дом, парк, ее литературные вечера, балы, концерты. Но все это промелькнуло быстро, как сон.

Милочек едва исполнился год, когда вспыхнула война. Андрея призвали. Она хорошо помнит прощанье с ним: его молчанью фигуру в офицерском мундире, его светлую, ободряющую улыбку. — Береги себя и детей, моя голубка, — говорил он, обнимая ее в последний раз, — война продлится не больше месяца и мы снова будем вместе. Меня не убьют, я это чувствую, а пленена не боясь. Ведь немцы не большевики.

Не прошло и трех недель с начала войны, как

Польша была раздавлена, а затем разорвана Германией и Советским Союзом. И тут все оказавшиеся под немецкой оккупацией, с изумлением узнали, что носители "высшей в мире культуры" являются одновременно и представителями "высшей расы" - призванными Провидением к владычеству над миром. И рекой полилась кровь.

Как в тяжелом кошмаре пронеслись годы войны сначала в Польше, затем в Германии. Бомбардировка, жизнь за колючей проволокой, голод, вечный страх за жизнь.

Она знала, что Андрей в пленах и после окончания войны разыскала его через Красный Крест. Снова все были вместе в лагере ДП. Но Андрей был уже не тот - страшно исхудавший, сгорбившийся и постаревший он редко улыбался и глухо кашлял по ночам. Рассказывал, как в пленах их кормили полусырой броквой, мерзлым картофелем и ражепаренным овсом. За малейшую пропинку были прикладами. Люди умирали от цынги и желудочных заболеваний, сотнями, тысячами.

Вскоре Андрей заболел туберкулезом. Его поместили в больницу. Лечили всеми новейшими средствами Но состояние его ухудшалось, силы покидали с каждым днем. Нина Львовна знала, что это начало конца, который должен наступить совсем скоро...

За дверями послышались шаги и голоса, пришедших на смену сестер. Нина Львовна встала, передала дежурной сестре рапорт и, не успев еще снять косынку и халат, как вошла дежурная телефонистка:

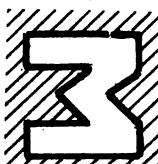
- Я за вами, Нина Львовна. Идите скорей к телефону. С вами хочет говорить старший врач из Ротенмюнстер...

Нина Львовна почувствовала, как у нее вдруг ослабли ноги, громко стукнуло и быстро-быстро забилось сердце. Но она пересилила себя и бросилась бежать по тускло освещенному коридору в кабинет. Телефонистка еле поспевала за нею.

Подбежала к телефону, схватила похолодевшими, ставшими вдруг деревяшими пальцами, трубку:

- Слушаю...

- Говорит доктор Каутенбах... Вы должны приехать с первым же поездом... В состоянии здоровья вашего мужа произошло резкое ухудшение. Мы сделали все, что в наших силах, но... вы должны быть готовы ко всему, гнедике Фрау...

олотистая оса с тонким кружанием кружится над тарелкой со спелыми сливами. Нежно пахнут чайные розы на ночном столике. В открытое окно, вместе с лучами заходящего солнца, вливается горный воздух Шварцвальда. Все в маленькой комнате на третьем этаже больничного блока светится безукоризненной чистотой. Время от времени бесшумно отворяется дверь и к постели подходит дежурная сестра: наклонится над больным, прислушается к его дыханию, проверит пульс и так же неслышно исчезает.

Андрей Алексеевич лежит не шевелясь. Голова его высоко покоятся на подушке. Исхудавшее лицо с глубоко запавшими глазами и бескровными губами - неподвижно и спокойно. Впавшая грудь поднимается часто коротким, прерывистым дыханием. Он спит.

Нина Львовна уже два часа сидит у его изголовья. Когда она вошла в комнату - он улыбнулся и сказал, что очень рад ее приезду. Затем погрузился в полудремотное состояние и, казалось, совершенно забыл о ее присутствии. Но когда она осторожно подошла к ночному столику, чтобы поставить розы в воду, он открыл глаза и улыбкой поблагодарил.

Через некоторое время, снова открыл глаза, спросил о детях. Но спросил совершенно равнодушно, без прежнего интереса и тут же, взглянув на сливы, попросил приготовить из них к ужину компот. И все одним и тем же спокойным, словно чужим, голосом. На конец он, повидимому, уснул.

Нина Львовна вся похолодев, не отрываясь, смотрит на это страшное лицо.

В голове странная пустота.

"Андрюша... Андрюша умирает... Вернее не он - его уже нет, - а то, что осталось от него. Еще немногого, прервется это дыхание, а с ним и остаток жизни. И тогда все кончится, все..."

"Он уходит тихо и спокойно, так как и прожил всю жизнь - всегда ровный, спокойный, любящий... Она останется совершенно одна в этом холодном мире, среди чужих людей..."

"Если бы только, уходя, он мог почувствовать как крепко она его любит".

С глубокой нежностью наклоняется над мужем Нина Львовна, осторожно глядит мягкие волосы, прикасается губами к холодеющему лбу и тихо шепчет:

"Спи спокойно Андрюша... милый и единственный... Я здесь с тобой... я люблю тебя... всегда любила... Теперь люблю больше, лучше..."

Ресницы Андрея Алексеевича слегка дрогнули, медленно открылись глаза.

- Ниночка...

- Милый мой Андрюшенька...

Взгляды их встретились. Так продолжалось несколько мгновений. Вдруг широкая, счастливая улыбка озарила лицо Андрея Алексеевича. Губы зашевелились, сияясь, что-то выговорить.

Нина Львовна еще ниже наклонилась над ним.

- Родной мой...

- Помнишь... картину? - прошептал он. И стойко счастливой улыбкой Андрей Алексеевич тихо закрыл глаза.

Не память, но душа подсказала Нине Львовне, о какой картине, умирая, вспомнил ее муж.

Н.Дель.

ГОЛОС СЕРДЦА

Где-то там, где лунными ночами
Серебрится клейкая листва,-
Сказанны и высушены нами
Эти торопливые слова.

Этих слов по липовым аллеям
Юность не боялась говорить...
А вот мы, как будто, и не смеем
Даже их друг другу повторить.

Легче темя расколоть о камень,
Чем опять тревожить без конца
Этими блаженными словами
Некогда блаженные сердца.

Где-то там у дымного вокзала,
В гротах стихающих боев,
Стоном лебединым отзывчала
Искренность волнувшая слов.

И с тех пор, привыкнув лицемерить,
В этот липкий погружалось страх,
Многому мы разучились верить
Даже в тех взволнованных словах.

А ведь их по липовым аллеям
Юность не боялась говорить...
Неужели мы и не сумеем
Этих слов сегодня повторить?

В.ПУГАЧЕВ.

НИКОЛАЙ ТУРБИН

"ЗОДЧИЕ"

И

а сегодняшний день Иван Савельевич отмаялся.

Зубчеными, мудреными ключами, внимательно, не торопясь за-пер свой склад красного товара.

И, как щелкнул последний замок, тотчас же приметил толстенького подрядчика Фалалея Агафоновича, торопливо сменявшего короткими с кри-визной ножками и изделими махавшего клетчатым платком: дескать, тут я, тут! Обожди!

Строил он Ивану Савельевичу новый дом и появлялся ежедневно к вечеру, доложить как и что и, конечно, перехватить деньжонок.

Рядом с саженным купцом выглядел этот "зодчий" шар-шариком.

— Ох, ох, ох, взопрел! С барышем, Иван Савельич! — приветствовал Фалалей Агафонович, шумно отдуваясь.

Иван Савельевич расчесал гребешком волнистую бороду, подкруглил плавным вышбом усы, повел широкими плечами, чтобы ловчее сидела поддевка, выправил сбоченный картуз и, как всегда, предложил:

— Пойдем, что ли, чайку хлебнем?

— О том и думал! Ух больно припекло! Глянь-ка! — и Фалалей Агафонович показал спину. На белом полотняном пиджаке мокро отпечатались обе лопатки.

— Солнышко-то без всякой экономии жарит. На стройке пылища — тучей! Кирпичи в штабеля складывали! Наглотался сухоты до маковки. Смочить бы не мешало!

Улица взбиралась на гору. Под тяжелой поступью Ивана Савельевича поскрипывал деревянный тротуар.

Прятались в палисадниках дома за сизой, тяжелой от пыли, листвой. Только лавки, распластанные вывесками, красовались полными фасадами, пренебрегая тенью. В жарком, густом воздухе, мелко взмахивая остройми с перышком крыльями, летали чайки, а выше их кружили голубиные стаи.

На ходу словоохотливый Фалалей Агафонович разговаривал с купцом короткими перебросками. К тому же, чтобы поспеть, в один шаг купца укладывал три своих. Катился колобком, пыхтел и шмыгал по сторонам остройми мышьякими глазками.

— В моем деле без шустрого глаза — труба, — обснял он. — Разогнал их, теперича и не остановишь!

А Иван Савельевич, раскланиваясь направо и налево со встречными знакомыми, заодно примечал особинки домов: разукрасы, пльсы да минусы, беспокоясь за свой будущий.

На чужом добре ума набирался.

Поколотил ореховой палкой о стену и прислушался.

— Тонковата, поди! А как у нас?

— Ух! — отмахивается "зодчий", — пушкой не прошибешь!

— А я бы, Агафоныч, для теплоты кирпичик привезил.

— Я и сам думал. Надо бы кирпичик привезить. — подтвердил "зодчий".

— Может полтора, Агафоныч?

— Полтора бы еще лучше, Иван Савельевич.

— А вишь, окна богатые, — указывает Иван Савельевич, — наши-то, кажись, узковаты?

— Ни, ни! В шесть четвертей. Дворцовые окна! Хочь лопатами свет выгребай! — успокаивал купца.

Но у Ивана Савельевича особая забота.

— Смотри, чтобы Евлампия Онисимовна не взоршилась! В склеп, мол, заживо загнали. Для большей прозрачности накинуть бы четверть?

— И то! — закивал головою Фалалей Агафонович.

— Ведь на языке вертелось. Для вас, к примеру, светлости в аккурат, а для нее — темновато. Без лишней четверти никак не обойдемся.

— Глянь-ка, балкон тот... помире нашего! — поднял бороду купец.

— Куды! — фыркает "зодчий", — это ж тычек! А на нашем кадирли отхватывать можно!

— Ой ли, Агафоныч?! Не пожалеем-ка аршиника! Затеет Евлампия Онисимовна возню в котом — все балясины к шутам гороховым выходит!

Фалалей Агафонович ударил себя по лбу ладонью.

— Клином в башке сидело! Так и тянуло напоминать! Для разного прочего — разгуляй поле, а для ее нрава тесноват! Пристегнем аршинчик и пущай не с котами, а с тиграми тешится!

А уж Иван Савельевич щурится на угловой дом.

— Даже размалеван. Ровно карусель на ярмарке! Как на твой скус?

"Зодчий" даже ножкой пристукнул.

— Точно-с! Щеглям в ем жить, а не людям! — и расчувствовался. — Грэшно, а завидую всем видящему оку вашему и тонкости художественной. Вам бы, Иван Савельич византийские храмы созидать!

+ +

Ятьдесят два года прожил Иван Савельевич в старом дедовском доме, похожем на развалистый, толстоногий гриб.

Ходил наизусть в полутемных комнатах между мягкими тумбочками, несуразными креслами, глыбастыми шкафами, буфетами, позвякивающими посудой, окованными сундуками, печами в три обхвата и кроватями шириной в сажень.

Нарочно громко чихала своеярная Евлампия Онисимовна.

— Руки поотсохли пыль стирать с энтакого

бкопления. И вытащить некуда. Подвалы полны-пол-неконьки. А от нафталинного духа хожу ровно моль сонная. Ты, Иван Савельевич, прибыл к такой скатости — увертываясь, а свежий человек все ноги пообдерет углами, а, глядишь, и нос расквасит. Около самой реки живем, а дышать нечем. И, акромя обшарпана-го забора, смотреть неначто!

Нестерпим Евлампии Онисимовне старый дом. С глаз долой, на свалку!

А легко ли родной старине отходную прочесть? Так и откладывал, пока сын не добрался до предпоследнего класса. А кто его знает? — окончит выучку, вернется из губернского города, еще и хенится — без нового дома не обойдется. И уж ехали строить, так лет на триста!

Обмозговать от подвалов до петухов на крыше. Снять заботу и с внуков, и с правнуков.

С того дня и начались каждодневные чаепития с подрядчиком Фалалеем Агафоновичем.

Ехидствовала подковыра Евлампия Онисимовна:

— Ох и зубомой! Из пиленого сахара дома строите!

А Иван Савельевич бороду поглаживал.

— Не капает! Торопливо одних блох ловят, а в таком деле тихоходом вернее. Апосля за всякую оплошку ржавой пилой врежешься!

+

+

аевали в "Доме трезвости".

Было это годиков пять назад, когда в Городской Думе раздался громкий призыв Ивана Савельевича.

— Благородные дворяне и почтенные граждане! Церквей в нашем городе — шесть, кабаков — тридцать шесть, четыре блудных дома, — а трезвого заведения нет. Аль, не стыдно?

Нежал на купечество, подсобило дворянство, мещане — и выдюжил Иван Савельевич "Дом трезвости" имени Михаила Васильевича Ломоносова.

Для молодняка и холостяжников старался. А сам к стаканчику прискальдывался — любил выпить. Но рассуждал просто: — Всякому свои годы. Подростет человек, мозги окрепнут, а еще лучше, коли и жена появится, — тогда и пей на здоровье. Мир, что огород неполотый. Есть сорняки, отроду клемененые, с одной дорожкой — в кабак!

Чтоб не волокли за собой пороком не меченых и постарался, не жалея сил своих, Иван Савельевич.

Обстроил "Дом" как надо. С читальней, харчевней, с театром и садиком — прохладаешься в летнюю жару.

Сам губернатор осчастливили душевным письмом. Известил кого надо в Санкт-Петербурге. И вышел Иван Савельевич в кавалеры — повесили на шею большую серебряную медаль.

И, в акурат напротив "Дома трезвости", проворавшийся чинуша, склестый Зоил Ницки, открыл заведение "Гнездышко", распивочно и навынос.

— На мой больную мозоль наступил! — тряс кулаками Иван Савельевич, — И ведь где, гнида, прилип? Не каждому в башку влезет. Всю линию портит!

— Одно смущение! — волновался и Фалалей Агафонович, — В шею бы! В загривок! За заставу...

Когда пришли в "Дом трезвости", мимоходом заглянули в читальню.

— Вишь ты! — подмигнул Иван Савельевич, — дело-то, слава Богу, тронулось.

Мышьные глаза Фалалея Агафоновича втрое увеличились.

— Полнеконько. Просто чудо. Наплодилось грамотных, что и сесть негде. А все с вашей легкой руки, Иван Савелич!

Без згвора оба строители прошли на кухню,

оттуда в кладовку.

Никто и не удивляется. На то и глаз хохля-ский, чтобы в корень смотреть. А разбитому яро-льянцу, половину Гавриле, подсказывать незвачем. Огонь парень — не угонишься! Ноги несутся в гости-ную — на председательский стол, под образа, чай сер-вировать, а руки в кладовке в председательские ста-кенчики водку наливают.

Первый глоток усталость сшибает. Выпили строители и крякнули. Иван Савельевич грибок пере-жевывает и Гавриле на ухо:

— Гаврюшка, сукин кот, ежели осмелишься кому другому — держись!

Половой даже обиделся.

— Вся хисть с солфеткой бегай, выше степен-ство. Уголовные тайны под языком держал! А вы ме-ни за несмыленыша призываете. Вся-с пышная налич-ность: вы, Фалалей Агафонич, казначей, да секретарь!

Иван Савельевич брови скобкой и свистящим шопотом:

— Оглядку соблюдай. Кто еще?

— Повар, натурально. Для прочистки скуса!

Палец Ивана Савельевича поднимается, как грозный и справедливый судья.

— Непыщущий повар — не повар! И на энтом крышка! Другим ни-ни!

Хихикнул Гаврюшка.

— Другие в "Гнездышко" Зоила Ницкина пере-паривают.

— Не наш грех! — печально развел руками ку-пец.

Второй стаканчик мозги промывает. А к тре-тьему, к "тихой радости", Гавриле подает кусочек ваты.

Вата смачивается водкой и засовывается в дырявый зуб Ивана Савельевича. Ему казалось, что этой ваткой он смывает собственные черные пятна, что-бы, сохрани Бог, не замарать ими чистого лица "Дома трезвости".

+

+

а председательским столиком, под образом Божьей Матери "Воспитание", зодчие насла-ждались чайком, как будто предварительно-го и не было.

Из золотой рамы улыбался великий архангельский мужичек, любимец двух импе-раториц, в парике, с лентой и при звездах.

Фалалея Агафоновича приятно туманило.

— В Сормовском "Доме трезвости" кондитер-ские бабки к чай подают, — вспоминает он. — Завернул впервые и диву дался. Уминает их мастеровщина засас-ленная. Шестерки подавать не успевают. Почему, ду-маю, они здесь в такой известности? А еда бабья! Кричу: тады и мне! Примял зубами — и дух заняло! Веришь ли — чистый ром в прямоугольном градусе. И, как о губки, течет. Тут бы душой восскорбеть, а я обрадовался. С разбегу две скучал — и весь промок! Выпала оттедова в полном затмении. Ниточки трезвой не нашел бы! Вишь ты, какими лисьими кругами свои же параграфы обходят!

В широкие окна легким золотым туманом вры-вался солнечный свет. Крестовины рам протянулись во весь пол выкрашенный охрой и натертый до блеска. И весь этот блеск и уют, душистый пар из чашек, вку-сные запахи булочек и ватрушек удовлетворяли гордо-сть Ивана Савельевича и веселили душу.

Как мальчик скользил под столом подметками и любовался четким, перевернутым отражением сапога.

— Такой же пол и мне изобрази, Агафонич!

В точности!

Побагровевшее лицо "зодчего" без слов гово-рило: — лучшего и не выдумаешь, — а громко добавил

— Такой и предвидел! Дворцовый пол!

Пригнулся Иван Савельевич и глянул вдоль всего пола.

- Не сложить ли нам, Агафонич, паркетный?

- В аккурат, паркетный и я примерял, Иван Савелич.

- Кабы в елочку, Агафонич?

- Только в елочку! - встрепенулся зодчий - На манер ковриков, Иван Савелич.

- А я бы в шашечках пустил. - вдруг накотило на купца. - Желтые и черные в перемешку!

- Во! О них и думал! - подпрыгнул "зодчий".

- От елки одна рыбь в глазах. Ее три не три елочки и становится. А шашечки в перемешку, под полным полером, так и играет! Умиление осенепительное! И весь узор в широком раскате!

- И печи бы с глянцем поставил, - расположал Иван Савельевич дальше.

- О, Господи! - вцепился "зодчий" в собственные волосы, - да как же без глянца? Чать не банными каменками углы заглаживать?

- Подобрал бы изразцы с васильками, с маками с колосом... - мечтал купец.

- А куда ж их без цветов? - отчаянно разводил руками "зодчий". - Гладкие только и гожи на кухню, да в отхожее место!

- Еще бы занятое, Агафонич, найти с целыми картинами: с лодочками, мельницами, охотниками, с рыбками и рыбаком на пруду...

А "зодчий" пузатый портфель бух на стол и по нем ладонью:

- А что здесь? Никаких цветов! На предварительном плане, полгода назад, так и записал: печи голландского изразца с природными видами! Других и даром не надо!

Так-то два строителя каждодневно перетряхивали будущий дом, не забывая даже гвоздики для теплой обивки входных дверей. И, почи то что каждодневно, после чаепития, фалалей Агафонович, поеживаясь и потирая руки, подбирался к купцу:

- Мне бы рублейков двести пятьдесят - с мели одвинуться.

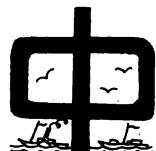
- Ишь ты! Как в сточную трубу денежки уносит! А вчера брал, прорва бездонная! - досадовал купец, вынимая толстый бумажник.

- Брал, да отдал. Денежки в трубу, а из трубы - кирпички!

- Бери уж сразу пятьсот, чтоб без частого беспокойства.

- Столько-то и хотел спросить, Иван Савелич! Чуть замешкался, а вы сами догадались. Как раз пятьсот!

+

алалей Агафонович суетился на стройке - рабочих языком подхлестывал.

Пиджак, пляжу, тросточку и портфель развесил на сучках молодой березы. Шею охлаждал мокрым носовым платком - жарина донимала.

Полуголая артель выгружала с барж саженные бревна. Потные загорелые мускулы отливали бронзой. Слепила глаза серебряная гладь реки.

Скрылся старый дом Ивана Савельевича за штабелями кирпичей, только и догадаешься по окворешнице и синему дымку из кухонной трубы. Новый, двухэтажный, возвигали поближе к реке, осередь пригорка, что выше сторожевую. Отсюда Волга, как на ладоне и вся ширь левобережная - лесисто-кудрявая, да луговая

Хлебнул фалалей Агафонович из хбана холодного квасу для прочистки голоса и только собрался подздорить артель перезной прибауткой, глядь: а из

узенького прохода между штабелями, появилась сама Евлампия Онисимовна. Одна ладонь козырьком, а другой обмахивается. Платье так и горит пунцовыми рожами, как бакен отительный на опасном месте.

Иван Савельевич, губа не дура, выбрал жену годиков на двадцать помоложе, но в аккурат по плечу - высокую, осанистую, чтоб не потерялась. И достоинство на лядях соблюдала - лебедушкой плыла.

От таких пиковых кралей сперва будто холодком веет, а подойдешь ближе - так в жар и кинет.

Подмигнул ребятам десятский. Враз сmekнули. Выпрямилась бронзовая команда и заведа:

" Мы хозяинку уважим,
Свой силушку покажем -
Эй, ухнем!!

Как шарахнули бревна! Затрещало, застучало, заскрипело в сухом воздухе - уши затыка!

А ей любо! Из-под собольих бровей запустила карый глаз в живую бронзу. Приподнялась на цыпочках, принатужила грудь, вырвался низкий голос и зазвенел перекатами: - Бог в помощь, соколы!

А фалалей Агафонович тут-как-тут. Рысит по положению.

- Заподряжил лейб-гвардии! Поддатнее не сышешь! Слыши, треск-то, ровно турку бьют!

Наморщилась хозяинка и пальцем грозит.

- Ты-то хорош командир! Усборовать меня вздумал? От белого света кирпичицами загородил. В потемках сидим! Ни дышать, ни ходить. Захламил на версту. Под ногами обой, что стекло битое, перед носом стены острожные. В проходах твоих на лбу шинки насаживать - колпком тесно! Хоть бы суняка подбросил, аль стлань из досок смастерил!

- Ай, ай, ай! - завертелся фалалей Агафонович - ведь знал! Ей Богу знал, что вам невперенос. Всю ночь думал. Что отлень! Прошекты оборудую для променады. Босиком гуляйте - не цараните!

- Да скажи силачам чтоб не баклужничали. Козяйка, мол, не дни, а часы считает, дожидаются новоселья. Потрафят - не поскулько. А спереду дома сорняки вон и землю перелопатят - цветы разведу для аромата. И клены не трох! Кружевные они, ровно зашвасеши, прохладу широко стелят.

- И не говорите! И не говорите! - замахал руками фалалей Агафонович. - То-есть все ваши желания до начала стройки предвидел и на плане кружочками обозначил.

- Ну, ну... с тебя и взыск! И вдруг смягчилась - красненькую десятирублевку сует.

- Артель-то твоя пыщает?

Фалалей Агафонович смутился. Сразу и не нашелся:

- Пыщих-то я того...на что они? Какие с пыщих работники?

Ухмыльнулась хозяинка.

- Ах ты, мыкальник! Чать "Дом трезвости" поперек горла встал? Твоим богатырям впоследствии одно ведерко вовсе не через меру. Аль цыш?

Сметил Агафонович, что не пытает она, а идет на чистую - сразу и расправился:

- Зачем цыш? Ни, ни! Апослед работы и орду непыщие выписывают. Я и сам располагал выставить от себя полведерка - пот трудовой обтереть.

Прихмурилась лукаво Евлампия Онисимовна.

- Самому-то про водку ни мур-мур! Не по ноздре ему. Намеднясь пришел с чаепития, а винным душком попахивает. Я и усумнилась. Не в графинчиках ли чай подают в "Доме трезвости"? Как затряс кулачицами! Дура, говорит, ты блудомыслишься! Зуб продержавленный до слез заныл. Фельшер Пров Акимич вать заткнулся - от нее и несет. Поковырял пальцем и вынул проспиртованную ватку. Я - в пояс! Прости, говорю, Христе ради за напраолину. А саме думал:

Коли у тебя одна голова, так у меня две, да не твоих, а получше. Не даром круглоголовой уродилась!

Подбоченилась хозяйка и ну хохотать. Заколыхались розы на пышной груди, как от неожданного ветра. Загоготал и Фалалей Агафонович. Но всегда сливочное маслце прозапас держал.

- Под корень подземный берете, мудрейшая Евлампия Онисимовна! От первого дна проникновенность вашу оценил! А весь-то грех в лесной орех! И пущай Иван Савельич с оборотной стороны полегоньку пьет, а с лицевой - чайком балуется.

Лобил Иван Савельевич на лодке охлажку потешить. Скрипели в уключинах весла, за кормой отброшенная вода сердито булькала, закручиваясь воронками.

Подбадривали и веселили речные запахи. От лодки несло смолой и свежей масленной крахмакой.

Растегнул купец голубую косоворотку, чтобы вольготнее дышала волосатая грудь. Сколько мог забрасывал весла и налегал так, что выносил из воды узкий, вздрагивающий нос лодки.

- Знай наших! Эх, ма...

Фалалей Агафонович, орудуя кормовым веслом, хмурился от утренних лучей.

- Эх,шибко бежим! Про вас, Иван Савельич, в книге "Бытия" надо бы растолковать особо: ...а реба Божьего Ивана вышли из моря и вдунули две омы слоновых.

Направлялись строители к левобережным токам, заказать балконы для балкона и лестниц.

Розовый туман приподнялся. Казалось, будто окрест поблескивало и колыхалось густое, тяжелое масло. Только у самой лодки, под веслами, да под острыми крыльями чаек и ласточек, да в разбегающихся кружках от рыбьяго плеска, пенилась и сверкала безчисленными граньками живая вода.

Как вышли на стражень - залюбовался Иван Савельевич родным городком - ну, вовсе игрушечный. До того занято сплелись разноцветные кровли, тянулись к небу маковки-куполе, сбегали к реке кривули-улочки. И пристани, что детские кубики, прибитые к берегу. Ветер - вершник, не трогая воду, шевелил в нагорных седах кудрявые макушки - клянчились они лесом зеволжским. Не самом видном месте, высунувшись из кленовой рони, смотрел на Ивана Савельевича новый дом. Еще с некрашеными стенами и оранжевой крышей.

- Дом-то, кажись, удался, Агафонич?

Полюбовался и "зодчий" через плечо.

- А как же-с! Твердыня несокрушимая! Стоять ему до предбудущих времен, Иван Савельич!

А Иван Савельевич уже прикидывает волух:

- В палевый не хотел бы красить. Цвет о теплынькой, да черезчур казенный. Светло-лазоревый-линичий. Желтый да розовый с лучем, но - маркие. Давно примерял их. Ни к шутам не годятся! Забраковал и "зодчий".

- Не взять ли, Агафонич, сероватый?

- Сероватый и хотел. Выносливый цвет!

- Выносливый да унылый. Без отражения.

И на арестантский смахивает, - поморщился купец.

- И я в таком же убеждении, Иван Савельич. Кисти в нем нет!

- А ежели зеленоватый? Куда пригляднее!

- И сравнить нельзя! Я ведь, Иван савельич, зеленоватый и отметил.

- Крой, брат, фисташковым! - решил купец.

- В точку-с! - восклицает Фалалей Агафонович. - С прошлого года записан в книжку: зеленоватый

с фисташковым отливом. Красочка вкусная и здорово упакистая!

Лодка плыла вдоль низкого левого берега. От лугов потянуло кашкой, львиной пастью, богоческим цветком, ромашкой - теплым дыханием меда и мяты.

Взглянул Иван Савельевич на широкие зеленя, с яркими пятнышками цветов и мысль его снова завертелась около нового дома.

- Обои для Евлампии Онисимовны подберу в Нижнем-Новгороде. Здесь не найти.

- Шиш найдешь! - сразу же подтвердил "зодчий". - Мелкота рябая! Загагуленки, козявочки, петельки, точечки - ровно понаплевано. Живописной выдумки нет

- Ежели об克莱м солидными, без разводов - заголовоит, что в монастырскую келью заперли. Так ли, Агафонич?

- Как дважды два, Иван Савельич! Пополам перекуют! Камень на шею и в Волгу!

- А вот, скажем, с крупными розанами? - нащупывает Иван Савельевич.

- О них и думал! Дворцовый цветок!

- Аль, с птицами, Агафонич?

- На птиц-то я больше надеялся, Иван Савельич!

- А с тем и другим? Что скажешь?

- Стоп, стоп, стоп! - обрадовался Фалалей Агафонович, - цельный месяц мозг сверлило, истинный Бог! Так и чудился райский сад! А вы подсказали. Против такого Евлампия Онисимовна и мяукнуть не посмеет!

Иван Савельевич оставил весла, размял затвердевшие пальцы и, зачерпывая пригоршнями воду, освежил лицо.

- А чем благословим дом на новоселье? Икону бы надо для гостиной. У наших лицевщиков кисть упругая, через это и письмо шершавое.

- Что наши? Самохвали! - скрипил губу "зодчий". - Херувимчиков безтелесныхписать не умеют, а куда же им до настоящих святых!

- Пошути в Нижнем хоромаго Миколу и киот с позолотой!

- Его-то и купите, Иван Савельич. Зашитника земли Русской!

- Так-то так! Одно плохо, - замялся купец, - многовато их. Миколы чуть ли не в каждом доме.

- И я заметил! В большом ходу! Куда не сунешься - Микола! - сожалел "зодчий".

- Разве отечественного взять? Преподобного Сергия? - опять доискивался Иван Савельевич.

- Свой-то ближе! Вдохновителя Куликова и берите.

- А то Александра Невского? Как, Агафонич, меркаешь?

- Он то и есть для передней комнаты. Святой Сергий монах смиренный в подряснике, а Александр - князь! Убор -заглядение! В светлых латах, в серебряной кольчуге, при мече и со стягом!

- Виши ли, Агафонич, хотелось бы всем потратить: и сину, и внуки, и правнуки.

- И мой взгляд - в сердцевину попадать надобно! - И "зодчий" ткнул перстом в воображаемую сердцевину.

- Правильно, Агафонич! Вот и рассудим. Само-главное для всех чад и домочадцев, конечно дело, здоровье. А кто, подумай-ка, над всеми врачами врач

И Иван Савельевич, не дожидалась, ответил сам:

- Святой Пантелеимон!

Фалалей Агафонович чуть не бросил в реку весло.

- Знал, что его возьмете! Ведь вот вы какой! Завсегда наперед! Эх, Господи! Как бы чуточку пов-

ременили! А у меня перед самыми глазами так и пла-
вает, так и плавает ангельский лик Целителя! - а имя
ускользает! Никаких других, Иван Савельевич! Его - и
неба!

Было у Фалалея Агафоновича свое знаменитое
правило: чьи денежки, того и воля! Ни пословца по-
перек! Прикажи ему Иван Савельевич покрыть дом зо-
лотыми листами - и не сгорнит бы! Так бы и отве-
тил:

- Верите ли? Третий месяц не сплю и об этом
думаю. Без золотой крыши и дом не дом а проще гово-
ри, курятник!

ван Савельевич, собираясь в Нижний-Новго-
род, пригласил Евлампию Онисимовну, что
бы с бабьего ума подозрения снять.

Отмахнулась пухлой рукой.

- Дом без призора как оставить? Рас-
таряйся-ка сам!

Он и не настаивал. "Без нее-то куда легче.
Оналеешь от прихотей и все дело заколодит". А у
Евлампии Онисимовны своя думка. "Поди и ему, трез-
венику, тишком, да по рюмочкам пить надоело. Пушай
вволюшку погуляет, для освежения".

ечерняя заря пылала в оконных стеклах.
На оранжевом небоскате густо посыпали
заволоки леса. Медный зеркалом зас-
тыла широкая река. Ранняя осень поле-
гоныку золотила листья.

По балкону нового дома ползали ро-
зовые зайчики от заходящего солнца. Здесь-то и бла-
гословила Евлампия Онисимовна в кресле - качалке,
что малое дитя в амбре.

Хоть и решили переселиться в новый дом к
Покрову - в погожие вечера приходила чеевичицать на
балкон к любимым кленам. Новинкой казались и ре-
чной простор, и белуги пароходы, и караваны белян,
и, да же, знакомые улицы, сбегающие к пристаням.
Все то же - а вот с этого места еще невиданное. Ды-
мил полны самовар, отгоняя комаров и мошек, охот-
ных до сладкой снеди, расставленной на столе.

В одной руке держала тарелочку с изюмом,
другой подбрасывала их в рот, как семечки. И хоть
чувствовала себя превосходно, а все же хотелось с
кемнибудь перемолвиться. И вот, глянув вниз, в про-
межутках между балюсами, увидела подпрыгивающую
шляпу Фалалея Агафоновича.

Под балконом, часто притоптывая каблуками,
"зодчий" пробовал новую дорожку, мозаичную краснова-
тый плитняком.

- И разобрать не могу - польку, аль кад-
риль в самотуху отплясываешь? - расхочоталась Евлам-
пия Онисимовна. - Иди-ка чай пить покеда самовар не
заглох. Гостем будешь!

- Как есть угадали! О нем-то и мечтал,
Евлампия Онисимовна. И с такой козялкой, да на та-
ком дворцовом балконе, кто бы от чайку отказался?

А когда "зодчий" появился - еще удобнее ра-
звалилась в качалке.

- Я-то отпила, Агафонич. Ты уж сам распоря-
дишь, как знаешь. Хочь с чая начинай, хочь с рома-
ней. У меня ведь не "дом трезвости".

Шустрый глаз Фалалея Агафоновича сразу при-
метил темную бутылочку в знакомых оклейках.

- Ежели дозволите, я бы спервочачала чисте-
нького, а сверху чайком залью. - И руки потер, пред-
вкушая.

- Воля твоя, Агафонич.

Пузатый самовар и полынный дымок удобно за-
лоняли от хозяйки и Фалалея Агафоновича, заглушая
легким камлем бульканье, налил полчайного стакана и
ожег нутро душистым ромом. Незаметно заменил его

тонконогой рюмочкой, чуть побольше наперотка,

- Сам-то, что пишет? - осведомился переводя
 дух.

- А ни словечка! За разными делами, чать,
времени не хватает! - улыбнулась двусмысленно.

Много и не тревожилась. Знала, нельзя всякую
спотычку подложить и изменой считать. Крепкой голо-
ве дурман не страшен. Другой раз из чистого любо-
пытства о проторенной дорожке сворачиваешь. Ежели и
грешно, грех-то этот, кажись, всеобщий. Всем миром
и ответим - оно и легче. И вдруг хихкнула лего-
нько.

- Невдомек мне, дуре - чего они к певичкам -
шишинеткам липнут? Из другого теста выпечены, аль
сахара больше?

"Зодчий" прикончил напероток, наполнил опять,
да и брякнул:

- Вымыты уж больно чисто! А она строгим го-
голосом:

- Охтиси! Агафонич! Другие-то потвоему, не
мытыми ходят?

- Кто говорит! Мытие, да не так, Евлампия
Онисимовна. Другие водой моются, а их в хересах и
мадерах купают! Окунут раз, другой и вынырнет она
оттедова, ровно медом помазана - хонь облизывай!
Кто ж откажется?

- Ох, Господи! - руками всплеснула, - щиплет,
поди, даже?

- Терпят, конечно! - согласился "водчий" - Да
ведь за хелтие рублики и потерпеть можно!

Охвивлась Евлампия Онисимовна. Даже блюдечко
с изюмом на пол поставила.

- А херес-то потом куда девают? Такую уйми-
шу! Напросто вслив?

Занозила Фалалея Агафоновича такая нерасчетли-
вость.

- Тоже скажете! Заграничный напиток и вдруг
- вслив! Вылакают до сухохо донышка!

- Апосля шишнекой? - восхлинула купчиха.

- Эка беда! Залитому человеку только скус
прибавят! - убежденно заявил Фалалей Агафонович. - То-
ли бывает, Евлампия Онисимовна. Вот, что намедни уз-
нал от поваренка Федотки. Скоревляется он в трактире "Самарканд". Смучилось, грит, что в кухне, екоро-
мя его не было ни души. Вдруг, грит, двери на рас-
пашку и вваливается скорняк Сидор Трофимыч Телкин.
- Давай квасу! - орет, - нутро перегорает! - Да не до-
хидайся - хвать ковшик и к бочке. Зачерпнул и тянет
А у Федота, - душа в пятки! Дрожкой дрожит, малец!
В бочке энто натуральные помои, свинин откармливать.
Ежели, мол, расчувствует купец - пришибет, как сус-
лика! А повернуло в обратную! Охолостили, грит, Телкин
два ковша, с усом ошметки сбросил и приметку
ставит: - Штука, грит, забористая и хиолинка вакку-
рат, а поцежено плохо! Охил Федотка! Смекнул, что
купец мозги пропил и ему с ахальством: - До полной
формы не дошло, выше степенство! Через два дня про-
цехевать велено! Тогда и наведывайтесь!

- Ой, правда! Ой, правда, Агафонич! - визжит
Евлампия Онисимовна. - И я такое видывала!

А "зодчий" тем временем прикончил десятый напе-
роток и принялся за чай. Посмотрел, прищурившись,
сквозь стекан и решил, что жидкотят - для цвета ро-
меней прибавил. Нед головой рабо- затрепетали первые звезды - вот, вот погаснут. Ровно из-под земли,
у самого горизонта, вспыхивали зарницы. Открылся ру-
биновий глаз бакена. В овраге, за кленовой рощей,
дружно заквакал лягушачий хор. А на низких улочках -
в освещенных окнах обозначились крестовины рам. Зво-
нко шлепая ладошкой, Евлампия Онисимовна давила кома-
ров.

- Хочь и купаются они в хересах - настоящей
полнокровной, красоты в них нет, - продолжала разговор
- Мордочки набелены да нарумянены, перетянуты, как
скрипка. Обманом людей колят! И чем, вишь бестеле-
сней - тем желанней! Слышала стороной, что на энти
чакотки спрос агромадный и цены без запроса.

- Истина-о, Евлампия Онисимовна! - захмелевший "зодчий" разотковал ее ей сейчас любую житейскую тайну. - Истина-о! Акромя хересов подтягивает и другой магнит. Говоря напролом - размахом мозги закручивают! У них, как в столичных ресторанчиках, дежурного харча нет. Выбирай по списку, чего душа хочет! Накушался и плати без разговоров. А к счетику пристегнут и посуду, и скатерти, и крахмальные салфетки, и фильточки, и плевательницы, и прочие разнушки. Для пьянецких, ни пито - ни едено, присетки! В сухость же себя вгоняют для обострения нюха и для ради легкого порханья!

- Ты уж скажешь! - опять затряслась от смеха Евлампия Онисимовна: - Собаки охотничьи, что-ли?

- Как есть точно!

Фалалей Агафонович хотел было подцветить новый стакан, но из бутылки больше не капало. Махнул рукой и закурил.

Сумерки прятали лицо Евлампии Онисимовны и "зодчий" не прметил, как щеки ее зарумянились. Купчихе казалось, что огонек папиросы запутался в ее полуопущенных ресницах; то вспыхивая, то потухая.

Когда-то, так перемеччиво горели ласковые и лживые глаза Ганки. Сдышала про его воронью жизнь. С мечеными картами на Макарьевской ярмарке керяны общали. Хлыт - получше этих охотничьих собак. Все знала - а вот, допустила...

Улыбнулась сама себе, а на висках, в тоненьких килях сильно затикала кровь. И думала: "А не в том ли разгадка, что человек в потаенной глубине своей вовсе не однолоб?"

tot же вечер решил Иван Савельевич посолать домой весточку. Возвращаясь в свою гостиницу, что на Благовещенской площади, еще чувствовал в голове туман от вчерашней разгульки.

Сопровождал его шупленский и ветлый Яша Зюскин, в сдвинутом на затылок котелке и с огромным портфелем. Придерживая Ивана Савельевича за рукав, он доказывал:

- Много вы улыбните от канареек? Чиррик-чик, ть-ть-ты и опять чиррик-чик! А граммофон, что заверите, то и поет. Имеете дома целый театр. Я вас научу, поверье опыту. Слушайте! Вам хочет вымыть из дома какая-нибудь заинтересованная родственница. Так вы, крутите ручку и преопокойно уходите! Граммофон поет, а супруга уже на вас не смотрит. Она осеняла! Она ослепает, разиня рот, знаменитого баса Бориса Годунова!

Забавная новинка соблазняла купца. Знал, что потягнит Евлампии Онисимовне. Одно смущало - не грех ли держать в комнатах, где иконы?

- Ладно, не тараторь! Завтра оторгуемся, а сегодня недосуже!

Смышленный номерной для хорошего гостя - лучше всякого лекаря. Уже ожидали Ивана Савельевича полбутылка "Мартея", засахаренный лимон и моченые яблоки. Писал он не торопясь, выводя круглые буквы. Собирали мысли, глядя на разовые вечерние облака, еще по летнему пухлые и слоистые, на ступеньчатую башню и зубцы кремлевских стен, на золотые луковки церквей. "Агафоничу прикажи к моему приезду все работы, без оттяжки, подогнать к точке. И еще, чтобы прошел твой же краской оконные рамы и двери, все снаружи а балкон весь. Да, чтобы опробовал скискость шингалетов и шарниров, а денег не давай. Приеду - расчитаю. Это дело из головы вон. Для отодовой мебель купил дубовую на двенадцать персон, а для гостиной - ореховую с бронзовыми наплеками и в бордюром плюшем, да для передней восемь предметов и зеркало поболе чем в рост. Все на клеи и шипах, без сноса, ежели зря не ломать. Для балкона двенадцать плененных предметов и особо стол на клеи и шипах. Это дело из головы вон. Для оклывания стен оторговал четыре блока, по три четверти поперек, в росписи

хожломских мастеров, царю напоказ! А для тебя все новое, увидишь - обомлеешь и к тому муаровые обои зоревого колера с травным узором, а в нем розаны в кулак и райские птички. Это дело из головы вон..."

Выпил Иван Савельевич рюмочку, пососал мочечное яблоко и вспомнил, как прошлую ночь распустил возки.

Ух больно заинтересовало: все ли имелося в наличии у маленькой плясуньи, худенькой, худенькой, ровно прозрачной, а гибкой, как ивовый прутки. "Дома лебедушка поджидает, а я, орясине, с трясогузкой связался. Как не крути, а и то верно - кот одох бы с голоду, кабы всю жизнь около одной мышиной норки сидел, - оправдывал себя купец. Но совесть, все-таки занозила. "Прости Господи сластолюбца окаймленного Другой раз оббегу сторонко". Вывернулся как-нибудь. А Евлампии за мое грехопадение подарочек.

Решительно обмакнул перо и продолжал:

"А с прочими гостиницами привезу тебе американскую машинку. И не орган, и не шарманка, а сундучек с трубой ершина в полтора. Поеет мужским и бабьим голосом вальсом и кадрили, а если желательно с утра до ночи. Музыка редкая и еще не слыханная. Это дело заметано".

Вздохнул облегченно и закончил:

"Помог Бог найти икону святого Целителя Пантелеимона, плавкого письма, в серебряном окладе, с позолоченным венчиком. И кисть в мелкой резьбе, ручной подделки владимирских мастеров, а того и хотел. Перед такой иконой архиереям молиться. И это дело, слава Тебе Господи, из головы вон".

Николай Турбин.

Ранним утром Господу слава,
Первой мыслью и первым вздохом!
На росою напоенных травах
След, небесный идет с Бостока.

Как скользнет Он сверкающим золотом
По полям, по трущобам жутким,
Милосердно дарованным голосом
Помолись хоть одну минутку.

Все равно, хоть жужжаньем, хоть треском,
Все равно, соловьиной ли трелью —
Встреть Его! — и не будет тесно
Человеку, растению и зверю!

Н. Турбин
По слову св. Франциска Ассийского.

Андрей БЕЛЫЙ

С НИВЕЛИРОМ ПО ДЖУНГЛЯМ НОВОЙ ГВИНЕИ.

Записки нашего корреспондента
из Новой Гвинеи

/Продолжение. См. "БОГАТЫРИ" №2/

Утром следующего дня около 6 часов капитан Питер, уже изрядно выпивший, поднял всех на ноги. Нужно было пришвартовать "Алеандра" к берегу, или вернее, к линии затопленных деревьев и начать выгрузку.

Черные матросы суетливо шныряли по палубе. Капитан вышел на мостик, а на верхнюю палубу выскочили шесть человек папуасов с винтовками и встали вдоль борта, обращенного к берегу. Громадного роста негр стал ногами на бортовые перила и оглянулся на капитана. "Пшел!" прорычал Питер, и негр бросился головой в реку. Не успел несчастный сделать двух-трех взмахов руками, как на поверхности реки безшумно, не шелохнув воды, как приведения, появилась в разных местах крокодилы и устремились за отважным пловцом. С палубы падузы открыли огонь из винтовок. Два крокодила, уже настигшие негра, были убиты и перевернулись брюхами вверх.

Негр достиг ближайшего дерева и с ловкостью обезьяны вскарабкался на сук. С палубы ему бросили канат, и он медленно подтянул "Алеандра" к деревьям.

Разгрузку вещей начали также под прикрытием ружейного огня, который иногда поражал особо наглого крокодила, плывущего прямо в гущу негров, таскающих наш груз по горло в воде.

Начальство, омогля на переправу, решило дать нам полные полномочия в дальнейшем выборе дороги, а самим вернуться в порт Морезби.

Я и Жорж, держа винтовки над головами, подгрузились в мутные воды реки и медленно, спотыкаясь о корни и пни под водой, пролезая между лианами и деревьями, пошли вперед. Ощущение было не из приятных. Нашим же боям было очень тяжело. Они тащили рефрижератор, тяжелую печь, крохоти, спотыкались, падали сами, роняли вещи в воду и вытаскивали их вновь.

Пройдя шагов двести по воде мы выбрались на сухое место. Отсюда ни реки, ни "Алеандра" видно не было. Слышно было как Мик и Питер кричали нам: "Гут бай!" - и "Алеандер" запыхтел, отплывая в порт Морезби.

+

- Ну, Жорж, итак прибыли к месту своего назначения! Для начала не так уж и плохо - все же мы еще живы, - говорил я подчеркнуто бодрым тоном, стараясь прибодрить склонившегося в полном уныния Жоржа, хотя сам, признаться, особой бодрости не чувствовал.

- Та речь, Андрей, буро не харло, я не думал, что будет так плохо-сигурно! - говорил унылым голосом мой спутник.

- Что же, Жорж, вы видите тут плохого? Вы же, собственно знали, что мы едем в джунгли, а не в Париж. Но зато подумайте, Жорж, мы на своих славянских плечах понесем прогресс в джунгли Новой Гвинеи. Потомки через сто-двести лет скажут: "Здесь впервые среди дебрей лесных и болот ступила нога славян Георгия Коларова и его ассистента Андрея Белого. Они, изгнанники, преследуемые варварской коммунистической властью, делали общечеловеческое дело - несли прогресс и цивилизацию в глухие джунгли. Плодами их тяжелых трудов пользуются теперь вы, свободные и счастливые! Вот, что скажут о нас потомки, Жорж! А вдоль проложенной нами дороги возникнут цветущие плантации и селения, радостная и трудовая жизнь. Через сто лет, Жорж, наша дорога станет великолепной автомостовой, обрамленной прекрасными пальмами и по

ней понесутся атомные лимузины от одного большого города к другому. Вокруг взор будет встречать зеленые поля пшеницы и риса. Болота и джунгли исчезнут, не будет ужасных москитов, несущих смертельную лихорадку. И начало всему этому благоденствию положим мы, два славянина. Наши бронзовые бисты будут стоять на мраморных пьедесталах при въезде в много-миллионный Порт Морезби.

- Та речь сибурно, Андрей, вас видно здорово крокодили напугали!

- Это хорошо, Жорж, что вы острите, при появении юмора - исчезает уныние.

Голые, грязные, как мокрые индюки стояли мы среди джунглей, держа в руках мокрую одежду и не знали, куда сесть и что делать. Постепенно пришли все бои, взвалили вещи в одну кучу и тут же улеглись спать. Поразительная способность у папуасов - спать везде и при любой обстановке.

Мы присели на палатки и открыли дебаты о предстоящих действиях. Обстановка была действительно совершенно нейясная. Куде идти? Никаких карт окружающей местности. Что впереди нас? болото, река, горы? Где расположить свой лагерь: здесь или продвинуться дальше сквозь джунгли и искать лучшее место?

Людям свойственно верить, что впереди что-то будет лучше и, следуя этому человеческому побуждению, мы двинулись вперед.

Впереди нас шли бои с буш-ножами и медленно врубались в джунгли. Мы двигались за ними, отмечая наше направление по компасу и ставя вехи с локутками кумача.

После 4 - 5-и часов утомительного движения по джунглям, в которых земля, видимо, никогда не высыхала со времен потопа, то натыкаясь на змей, то пугая стадо диких свиней, мы, наконец, выбрались на небольшую солнечную поляну с пригорком, у подножья которого бежала река метров двадцати шириной с замечательно чистой водой. Лучшего места для лагеря и желать было нечего. Мы подошли к реке и припали к хадностям к ее холодным водам.

Освежившись в речке и отдохнув, мы отправили боев за вещами. Было около полудня. До наступления темноты нужно было перетащить весь наш скрэб в лагерь. Остальную часть дня мы этому занятию и посвятили.

Уже темнело, когда последние наши пожитки были перенесены измученными папуасами. Палаток в эту ночь решили не ставить. Айзи разложил наши кровати, сверху покрыл их москитными сетками, заколг лемпу, и мы, усталые, с наслаждением заслезли под спасительные сетки. Только тут, в джунглях, мы прониклись глубоким чувством благодарности к тому неизвестному гению, чей ум изобрел москитную сетку. Подней мы спали, не ведая ни печалей, ни звездоланий.

Москитная сетка спасла нас не только от москитов и другой больно кусающейся мошки, но и от более неприятных и непрошенных гостей. Иногда, просыпаясь утром, мы с ужасом замечали сидящую на сетке жирную склопенду или мохнатого паука с красной лоснящейся пастью. Укус этих созданий по ядовитости не на много уступает "блэк фицай" /черная змея/.

Лежа под сеткой и вдыхая полной грудью свежий ветерок, струившийся вдоль нашей речки, я оглянулся вокруг и пришел в восторг от экзотического зрелица, которое представляло наш лагерь: справа и

слева от наших кроватей пепуасы разложили два громадных костра. Их голые фигуры фантастическими тенями мелькали на фоне огня. Вдали играла лунным светом река, над головой ослепительно и ярко блестали мириады звезд.

- Ах, какая красота! - воскликнул я, обращаясь к Жоржу, который ответил на мой восторг прозаическим храпом.

Я долго еще любовался окружающей природой, так живо напоминавшей мне уголок моей далекой родины. Журчащая речка, зеленеющими пригородом, отступающим от холмов и сверкающим небосводом. Я старался не смотреть на джунгли, которые стояли черные, таинственные и молчаливые. Заснул я под оглушительный хабий концерт. Концерт проходил оригинально: сначала выступал соло. Он делал десяток кваков басом, вслед, точно по мановению палочки дирижера, раздавался гром сотен лягушечьих голосов, затем хор смолкал и опять квакал бас, и опять гремел хор. Я не на шутку позавидовал, что хаби так трезво, организовано и мило кротят свой досуг. Мне невольно захотелось по этому поводу написать письмо ко всем организаторам и устроителям "русских пельменей и блинов", и я заснул.

Снилось мне, что я слушал прекрасный концерт организованный брисбенским Русским Клубом. После концерта были танцы с "прощадительными" напитками. Я танцевал с интересной девушкой. Мне было двадцать лет, и я был в нее влюблен. На одном из "шоу" я начал об "ясняться" ей в любви. Близко посмотрел ей в лицо и в ужасе отпрянул назад - вместо чудной девушки, я нежно и трепетно обнимал за талию большую зеленую хабу с мутными вылезшими из орбит глазами. Я завопил диким голосом и проснулся.

Вокруг ослепительно блестало солнце. Жорж, как бегемот, фыркал в реке. Аззи успел перевернуть на плите молоко и собирал его обратно в кастрюлю, а кругом звались разными голосами птицы, встречая пением восходящее солнце.

Следующие три дня мы устраивали лагерь. Срубили вокруг деревья, выкапали траву, поставили палатки. Над нашей кухней пепуасы сделали крышу. К реке прочистили дорожки, устроили уборные. Нанесли песок, посыпали пол палатки, и лагерь наше принял жилой вид, а на все джунгли, на удивление диким овникам, крокодилам и змеям, оглушительно раздалось: "Вы слушаете свободный голос Америки... "Говорят Москва... "Вдоль по Питерской" исполняет Лемешев.

+ + +

Закончив устройство лагеря, мы решили не сколько дней отдохнуть, похвоститься и "поздрить" динамитом рыбу, которая в изобилии развелась в реке. Но не мы были самым безжалостным образом разрушены.

Утром, проснулся я пораньше, огляделся вокруг и протер в изумлении глаза, опять посмотрел... Но зрелище, поразившее меня, не исчезло. Картина, представившаяся моему изумленному и сонному взору, была поистине необыкновенная!

Около полусотни совершенно голых дикарей, всех полов и возрастов, с воткнутыми в нос палками, с растрянутыми до плеч ушами и татуированные, особенно женщины, так что тела их и они сами напоминали собой ходячий бухарский ковер, неудачного рисунка, расселись ладком вокруг нашей открытой палатки и сосредоточенно наблюдали наш безмятежный сон. Я в смятении перед дамами натянул на свое греческое тело простыни. Мой поступок вызвал обмен мнений среди дикарей. Некоторые от души смеялись, похлопывали себя по ляжкам и безцеремонно показывали на меня пальцем. Я начал краснеть, подозрительно себя оглядывать и плотнее закрываться простыней. Я лежал и с ужасом думал, что мне придется вставать с кровати при всем честном народе и медлить, и организм мой властно

требовал потащиваться.

Я продолжал лежать в глубоком и горьком раздумье. Пока я трагически мыслил, как выйти из создавшегося положения, проснулся Жорж и тоже стал усиленно протирать глаза. Выражение его лица было настолько комично-изумленным, что даже я, несмотря на переживаемую драму, не мог сдержать улыбку. Среди же публики пробуждение Жоржа вызвало оживленную критику, крикотолки и очередной взрыв искреннего смеха. Не хватало только аллодисментов.

На мои жалобы Жорж, как человек бывалый, тоном полным самообладания посоветовал мне:

- Вы не обращайте на них внимание и делайте что вам нужно.

В подтверждение сказанного, он спустил свои голые телеса с кровати, вылез из под сетки и, повернувшись голой спиной к публике, стал влезать в юрты. Публика, затаяв дыхание, следила за каждым движением Жоржа. Но, видимо, пятьдесят пар человеческих глаз, напряженно устремленных, действовали на него магнитически. Жорж волновался, запутался в юрцах, нескользко мгновений он пробалансировал на одной ноге и, потеряв равновесие, с размаху слепнулся на кровать.

Что произошло в этот момент, трудно описать!

Ни в одном цирке мира, самый знаменитый клоун, вероятно, не покинул таких лавров сценического успеха, как бедняга Жорж!

Дикари взвыли и разразились гоморическим смехом. Они брались за животы, стонали, охали и в порыве энтузиазма валились на землю и дрыгали от восторга ногами в воздухе, бросались в об'ятья друг другу и хохотали, хохотали до слез, до изнеможения.

Я смотрел на этот здоровый смех милой публики и неожиданно от души расхочотался, что едва не привело меня к катаклизму. Жорж не на шутку на меня рассердился.

- Вы, точно черные, смеетесь, а не знаете почему.

- Жорж, ведь все это в концепциях, действительно смешно. Нежданно-негдано превратиться в эстрадных артистов и, не без успеха, выступать перед такой безцеремонной публикой! Надо их прогнать к черту - это становится скучно и невыносимо.

- Сейчас, Андрей, я их попрощу отсюда.

На сей раз Жорж, к большому огорчению публики, благополучно одел юрцы и, выставив грудь вперед, с грозным видом стоял перед толпой дикарей и, указывая куда-то пальцем в даль, грозно закричал:

- Вон отсюда!

Ни эффектная поза, ни грозный возглас, Жоржа не дали желательного результата, а только вызвали очередной взрыв задушевного смеха. Вероятно, дикари считали, что Жорж продолжает свою, так удачно начатую, программу. Все пятьдесят человек, повернув головы, в указанном пальцем Жоржа, направлении и, скопировав его жест, хором завопили "вонся, вонся", продолжали сидеть и от души смеяться в растерянное лицо Жоржа. Я начинал терять терпение и злиться.

- Жорж, давайте пальцем из винтовки в воздух или взорвем шашку динамика.

- Что вы, Андрей! Если мы их обозлим, то наберемся неприятностей, ведь мы полностью в их руках - придут ночью, стукнут по голове и будет сибирько.

Долго было бы описывать, как дикари тирали нас до 3-4 часов дня, следя за малейшим нашим движением и то вступали в харкий обмен мнений, то хохотали и веселились от души.

"Черивница Галю"

"публика..."

Только голод заставил их покинуть нас и вернуться в свою деревню отстоявшую от лагеря в 5-6 милях.

Сколько велика была у них кажда приобщиться к культуре и повеселиться за чужой счет, видно из того, что, к нашему великому ужасу, они посещали нас, всю последующую неделю, совершая ежедневно по 10-12 миль через непролазные джунгли.

В течение последующих дней мы почти привыкли "выступать на сущем". Только иногда под очень сильный хохот, я начинал нервничать и злиться, замечая, что делаю невыпад странные вещи, которые доставляли незабываемые минуты веселья этим отпрыскам человеческого рода.

Так однажды утром я встал и увидел сидящую амфитеатром вокруг палатки публику. Не обращая внимания, свернулся папиросу и чиркнул спичку. Спички за ночь отсырели, головка спички раскрошилась и не зажглась. Толпа реагировала на мое неудачу умеренным смехом. —Идиоты! — мыслил я, и стойки чиркнул вторую, третью и четвертую спички — они не зажигались. Толпа уже ревела от восторга. Я начинал злиться. Чиркнул пятую, и с досадой бросил их на стол. Толпа пришла в состояние вакханалии. Я же почувствовал, что нахожусь близко к границам бешенства и начал совершать странные вещи. Решив побриться, я вместо бритвы взял очки и одел их. Потом бросив очки на стол, взял бритву, налил горячей воды. Дикеры не пропускали ни одного моего движения, хохотали во все горла, а женщины истерически визжали.

У меня от этого смеха стали неловкие и неуверенные движения. Окунаясь помазок в стакан с горячей водой, я его опрокинул. Горячая вода полилась на ноги, я с испугом отскочил от стола и с грохотом перевернулся стол.

Толпа была в агонии. Казалось, что, в опровержение всех правил, они умрут от смеха.

Терпение мое лопнуло: сдерживаемое бешенство вырвалось из моего горла в виде хриплого рева, и я бросился в ящики с динамитом, что бы раз и навсегда отучить этих негодяев от их наглой манеры смеяться в глаза над человеком, заброшенным коверной субъектом в джунгли в их примитивное общество. Жорж бросился ко мне.

— Андрей! Я вам не позволю это делать!

— Но я больше не могу терпеть издевательства над собой! — Кричал я в ответ Жоржу. — Я брошу динамит на безопасном месте, пусть грохот динамита отбьет у них охоту смеяться. Тогда я буду держаться за живот руками и хохотать над их испуганными рожами. — В этот момент я искренне ненавидел этих черных извергов.

— Андрей, но подумайте же ведь они дети — глупые дети, уговаривал меня Жорж.

— Хорошо, Жорж! Они дети, но скверных детей порядочные родители порят и секут, а не дрожат перед ними.

Я, не позавтракал, схватил компас, свою группу негров и ушел в джунгли рубить линию. Вечером я имел с Жоржем решительный разговор.

Нервы наши от непрерывных издевательств издергались, и наша жизнь превратилась в пытку. Решено было завтра утром идти за двадцать миль в Казибадину и посоветоваться с местными плантаторами что делать? К нашему счастью вопрос для нас разрешился очень удачно. Один из плантаторов обещал нам на следующий день, по морю перевезти к себе на работу всех мужчин.

Когда через три дня, совершив сорок миль, мы вернулись в лагерь, там царствовала благословенная тишина и порядок. Женщины к нам без мужчин приходить не решались. Мы, наконец, обрели заслуженное спокойствие.

Так кончились наши очень неприятные артистические выступления в джунглях.

+ + +

Наступили блаженные времена. Погода держалась великолепная. Солнце не проникало сквозь густую листву и в джунглях было прохладно весь день.

Вставали мы часов в 7 и прямо с кровати шли купаться в реку.

Айзи готовил к завтраку какой-нибудь очередной кулинарный трюк: хлеб на дрожжах, который имел вид глины с запечеными кусками земли от частого падения теста на землю. Или рис с мясом и карканным луком... сверху посыпанный сахаром.

— Чорт возьми Андрей! Этот меланхолик Айзи положил в рис сахару, — возмущается Жорж.

Вымывали Айзи и долго об"ясняли ему, как готовить, но он с упорством маниака в следующий раз положил сахар в фасоль. У него какое-то болезненное пристрастие к сахару, об этом красноречиво говорят с необыкновенной быстротой опустошенные кульки.

Закончив завтрак, Жорж кричит в палатку папуасов, которая отстоит от нашей палатки на сто.

— Падо! Вы в порядке?

Падо надсмотрщик. Он получает 6 фунтов в месяц и полный рацион. Говорит немного по-английски, может ставить вешки в створ по оси дороги и умеет читать цифры на мерной металлической ленте.

Он высокого роста, мускулистый, лет 35-и. Лицо его для "красоты" все исполосовано вдоль и поперек рубцами в "елочку", нанесенные лезвием бритвы. В носу громадная дыра, куда он по праздникам втыкает хорошо отполированный кабаньи зуб.

В общем, вид его сверепый и грозный, и бои его боятся больше, чем нас. Мне кажется, что Жорж его побаивается не менее папуасов.

Англичане с ним работать не могут, т.к. Падо не выносит никаких приказаний. Обычно, после первого же начальнического окрика он начинает становить вешки вкривь и вкось, цифры на ленте называет такие, которые там не существуют. Нивелировщик приходит в бешенство и больше его на работу не берет.

Девушки племени каннибалов

Жорж его покорил тем, что не приказывает, а просит. В его просьбе я часто слышу нотки звонкого юмора.

Во время работы, когда мы садимся покурить, Жорж говорит: "Падо, закури и дай боям", передавая ему табак.

У нас от нашего богатого рациона, которым снабжают нас бесплатно департамент, несмотря на поворотную привычку Айзи ставить банку, другую консервов, что бы проиграть в карты с папуасами, остается много консервов и других продуктов, и мы их отдаём Падо и боям.

За все время нашей работы, мы старались как можно вежливей обращаться с боями. В основном это помогало: работу свою они выполняли добровольно.

Прошло минут пять после первого вопроса Жоржа:

- Падо, вы готовы?

Мы знаем, что на первый вопрос Падо никогда не отвечает и, выждав терпеливо положенные пять минут, Жорж опять кричит: - Падо, вы готовы? На этот раз из недр палатки папуасов слышится недовольный голос Падо:

- Ес, сэр! Мы взяли компас угломеры и нивелир, стоим и ждем. Падо не появляется.

- Да крикните-же как следует, Жорж, что вы все его умоляете.

- Андрей, нельзя! Ну, что будем делать, если они обозлятся, бросят работу и убегут в джунгли.

Наконец, Жорж кричит в третий раз. На этот раз он видоизменяет тон своего призыва, с очевидным желанием апеллировать к совести Падо.

- Падо, мы пойдем одни, а вы оставайтесь - охраните! В его "охрану" вложено столько эмоций и даже слышится скрытая угроза - дескать, смотрите, Падо, табаку не получите.

- Эх! - говорил я с досадой, смотря на нерешительного Жоржа, - им бы сюда Хрущева с Булганиным, они бы быстро из Падо и боев стахановцев сделали, предварительно урезав на половину их рацион.

- Ну вот, Андрей, где-же у вас логика, от коммунистов бежали, а другим их жалеют.

Пока мы переговариваемся с Жоржем из палатки выступает двадцать боев в чем мать родила с огромными бин-ножами на плечах. Впереди с ярким первом попугая, воткнутым в голову, идет сам Падо.

- Вот, Андрей, покричите на них "как следует", так они нас как капусту покрошают своими ножами, - говорит Жорж в свое оправдание.

+ + +

В голове колонны встает Жорж, я за ним, за мной Падо и вся остальная черная гвардия. Я и Жорж в руках несем ботинки и одежду т.к. через 200-300 метров нам нужно переправляться вброд через наущую речку, воде, в которой доходит нам до горла.

Мы с Жоржем, как и подобает полководцам, показываем пример мужества и бесстраствия. С ходу идем в воду, но пример наш не зарезил мужеством ни Падо, ни боев. Все они остановились на берегу. Осторожно и нехотя мочат кончики пальцев на ногах, пробуя температуру воды, затем, колеблясь и медля ступают в воду всей ступней, и на этом их поступательное движение оканчивается.

Мы уже с Жоржем на другом берегу, а бои все задумчиво стоят и смотрят в воду. Они ждут окрика. Если бы мы не крикнули, простояли бы так весь день.

- Падо, идите-же!

- Ес, сэр!

ПАДО

Наконец, все двадцать боев переправились, и наша колонна втянулась в джунгли.

Идем по рене прорубленной просеке, идти нужно несколько миль. Обычно с одного лагеря мы работаем в два противоположных направления по 4-5 миль, затем переносим лагерь на новое место.

Старая просека кончилась, надо рубить дальше. Отсутствие видимости очень затрудняет и замедляет работу в джунглях. Прорубив несколько сот метров, неожидано выныкаемся на крутом подъеме, измеряя угол, он оказывается недопустимым. Меняем по компасу визуум на 5-10 градусов и рубим по новому направлению. Пройдем 1-1½ ми., встречаем овраг. Меняем еще на 10-15 градусов направление, прорубим час-два, встремляем склону. Останавливаемся и, обозленные, долго ругаемся.

Оставив боев сидеть идем в джунгли на разведку - Жорж вправо, я влево

Утомительно и опасно двигаться по непролазным первобытным джунглям. Во влажном и душном сумраке джунглей полно всякой нечисти: какие-то невидимые глазом паразиты проникающие в поры кожи и вызывающие болезненную сыпь, москиты, скorpions, змеи и еще и еще какая-то невероятная мерзость, которая возмущена нашим вторжением в их исконные владения и мстит нам, как только может.

Лианы на каждом шагу хватают нас за ноги, руки, голову: то повиснем в воздухе, то падаем на землю. Ветки хлещут и рвут тело и одежду, а впереди стоит сплошная стена леса. Нужно прорваться сквозь эту гущу и нужно смотреть каждую минуту, куда поставить ногу - вокруг то там, то здесь мелькает отвратительное змеинное тело.

После нескольких часов хождения по джунглям все тело и лицо горят от укусов, царапин и ссадин. Рубахи преображают плачевный вид и пот льется ручьями, заливая глаза.

Бывают такие неудачные дни и даже недели - ходим мы с Жоржем по джунглям, бои сидят, закуряются и лягут спать, а мы все ходим и ходим и нет хотя бы узкой полосы 60-70 метров шириной, по которой можно было бы пройти дорогу. Через 4-5 часов, измученные до предела, возвращаемся мы к безмятежно спящим боем и валимся около них. Мы не говорим друг другу ни слова, не делимся результатами наших поисков - за нас говорят наши печальные и измученные лица.

Нет дальше пути, не пускают джунгли в свою недра человека! Озлобленные, бросаем работу, отсыпаемся и отдыхаем несколько дней в лагере.

Но бывают ичастливые дни. Падо идет впереди боев осиротевшими и злыми рубахами. Вдруг на дьявольском лице его засияет подобие ангельской улыбки. Он останавливается, медленно повернется к нам и тоном, точно он виновник простигшей нас удачи, скажет: - Сэр, гут пляй! - И действительно, джунгли сразу посветели и мы выходим на ровное поле. Оно уходит куда-то далеко и скрывается за линией горизонта.

Поле поросло жесткой, колючей травой, выше человеческого роста, не годной ни для одного живого существа - только змеи да москиты нашли себе здесь приют.

Жорж садится, закуривает и радостно смеется.

- Падо, закури и дай боям! - Падо скалит свои

черные со снятой эмалью зубы и ржет каким-то скрипучим смехом.

Я и бои тоже смеемся. Наиболее экспансивные во все горло улюлюкают: УА-УА-УА! Радостное вдохновение разносится по джунглям.

- Что-ж, Андрей, начнем? - говорит в таких случаях Жорж.

- Падо, зажигай!

УРДОН КУРТАИН СКЕЧЧИ

BY

ALEXANDER ROMANOWSKY

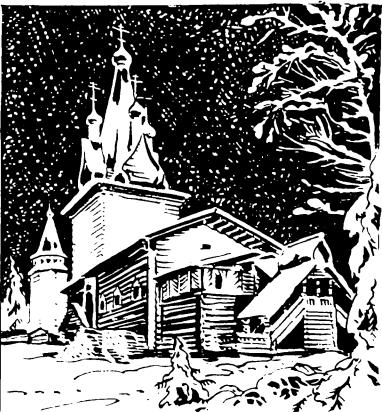

ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ КНИГА ЭСКИЗОВ

ХУД. А.В. Романовского.

ЦЕНА 8 шил.

КНИГУ МОЖНО ПРЕОБРЕСТИ В РЕДАКЦИИ
журнала "БОГАТЫРИ"

ЧИТАЙТЕ!

БОГАТЫРИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

I. Wedrow
7 Williams St.
Granville West,
N.S.W. Tel: YU 1422

РУССКАЯ КНИГА
— ПОЧТОЙ —
книги, грамм. пласт.
журналы и газеты

РЕДКАЯ КНИГА! — Н.А. РУБАКИНА — "ПИСЬМА О САМООБРАЗОВАНИИ"
382 стр. Цена 16/6

И.Н. Загоскин — "ЮРИЙ МИЛОСЛАВСКИЙ" 345 стр. 26/6

Ромен-Роллан — Собр. Соч. в 14 том.

Том 1 "Драмы Революции" 10/3
Том 2 "Жизнь великих людей" 10/3

А. Макаренко — "Педагогическая поэма" 627 стр. 12/6

КАЛЕНДАРЬ НА 1956 ГОД
По старому и новому стилю Изд. Н.И. Мартынова
Нью-ЙОРК.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ СКЛАД ЕВРОПЕЙСКИХ ПЛАСТИНОК

ЛУЧШИЙ ВЫБОР "MICROGROOVE" И ОБЫКНОВЕННЫХ ПЛАСТИНОК

К услугам покупателей специальный
музыкальный бар. Вы сами можете выб-
рать нужную Вам пластинку.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ В СИДНЕЕ ВЫБОР ДОЛГОИГРАЮЩИХ
ПЛАСТИНОК

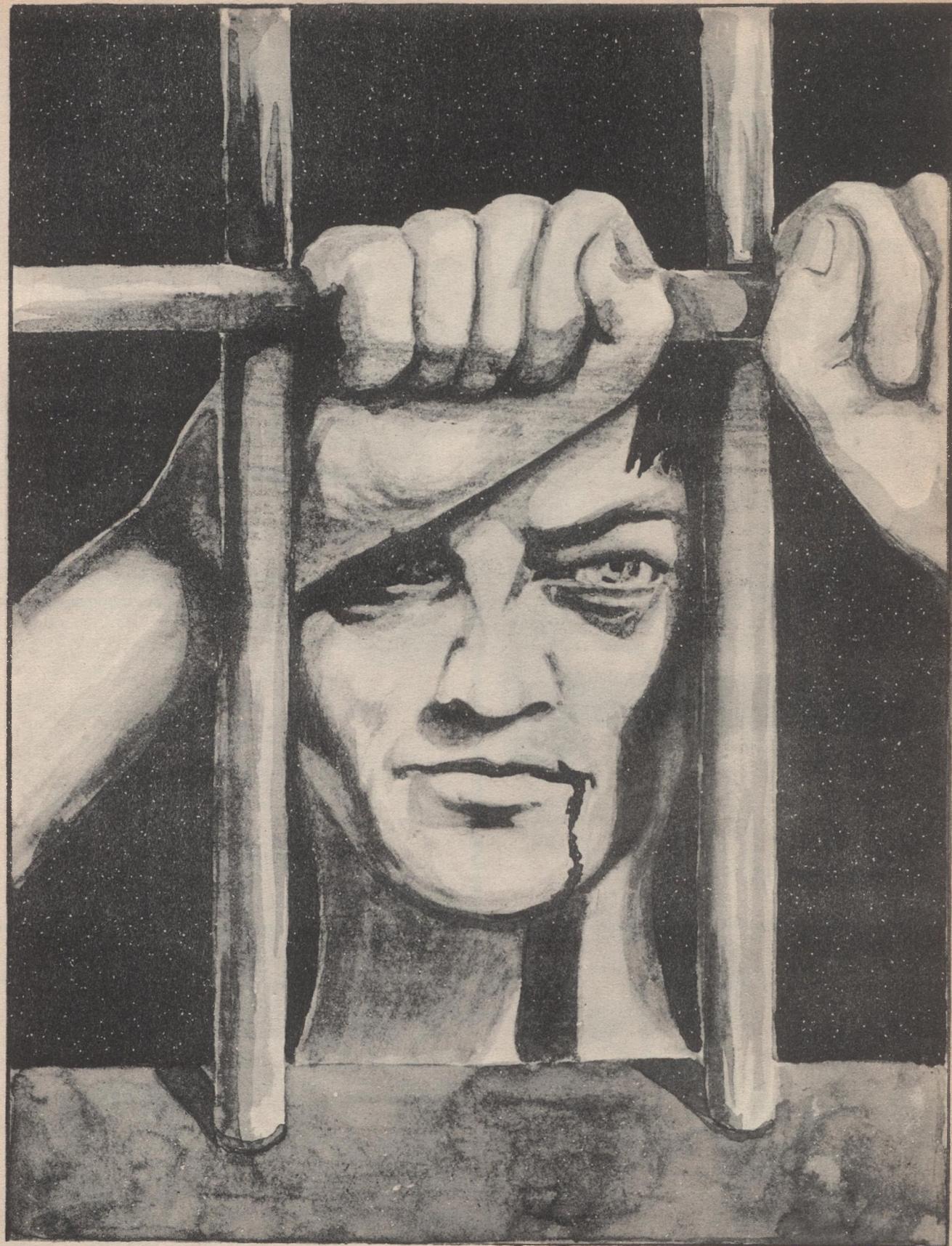
ТОЛЬКО ЧТО ПОЛУЧЕНА НОВАЯ ПАРТИЯ РУССКИХ ПЛАСТИНОК
ПРИНИМАЕМ ЗАКАЗЫ ПО ПОЧТЕ.

Гарантируем сохранность доставки.

245 CASTLEREAGH STREET, MA 4314 MA8497
2 DOORS FROM LIVERPOOL ST.

BRANCH: RADIO CENTRE KINGS CROSS, 28 DARLINGHURST ROAD.
FA 2465, FA 6596

ПОМНИШЬ ли ТЫ о нас?